

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

- ОПАСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
- ПЕСНЯ, НЕ СПЕТАЯ ВИЗБОРОМ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОСМОСЕ
- МИЛОСЕРДНЫЙ РОБОТ
- УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК 20-х.
- В МУЗЕЕ ВЕЛИКОГО СЫЩИКА
- СУД ДРЕВНИХ МАЙЯ
- УЧЕННЫЕ И... СТРЕКОЗА

ЭДВАРД СМИТ
ТЕДРИК

КРИТИЧЕСКАЯ точка в развитии человеческой цивилизации – здесь, ЗДЕСЬ! – Скандос, Главный Физик, указал концом красного карандаша на пик хронограммы. – Почему человек так глуп? Любое создание, с самым примитивным мозгом, понимает: чтобы

быть сильным, надо питаться, а не истекать кровью. Чтобы раса была сильной, ее девушки должны давать потомство, а не погибать на жертвенном камне во имя вымышленных богов! И это можно так легко исправить – нигде в достижимом для нас промежутке времени нет другого человека, занимающего такую уникальную ключевую позицию!

– Легко, да, – согласился Фурмин, его помощник. – Стыдно, позволить Тедрику умереть, не предоставив ему возможность реализовать свои огромные способности. Это легко и просто сделать именно сейчас, когда в его руки попал столь удивительный метеорит. И все же, все же технология производства высокоуглеродистой стали будет открыта только через два поколения, другим кузнецом другого народа. Соблазн велик, но вы же знаете, Скандос, что любое, самое незначительное вмешательство в события прошлого может привести к непредсказуемым и катастрофическим последствиям.

– Я знаю это, – нахмурился Скандос. – Но многие временные феномены пока что остаются для нас загадочными. Мы не представляем, что именно может произойти. Уже сотню лет мы умеем влиять на прошлое, но боимся действовать – и потому топчемся на месте. Мы с вами провели сотни бесполезных опытов – если не ошибаюсь, номер очередного – восемьсот одиннадцать? Но разве мы получили что-нибудь существенное для развития хронофизической теории?

Он замолчал, затем снова заговорил с нарастающей страстностью.

– Может быть, лучший выход заключается в том, что-

бы наша временная линия мгновенно и безболезненно исчезла. Или же мы должны беспощадно заламывать, руки, с отчаянием наблюдая, как наша цивилизация готовит свое самоуничтожение с помощью термоядерных литиевых бомб? Взгляните на склон этой кривой – до глобальной катастрофы осталось только сто восемьдесят семь лет!

– Но ни Совет, ни Академия не разрешат вмешательство в прошлое.

– Это мне тоже известно. Вот почему я не собираюсь спрашивать их. Я спрашиваю вас. Мы двое знаем о времени больше, чем все физики нашего столетия. Если вы одобрите мое решение, я буду действовать. Если нет – мы продолжим наши осторожные и бесцельные эксперименты.

– Вы возлагаете на меня всю ответственность за это решение?

– В определенном смысле, – да. Но, с другой стороны, я уже решился – так что на вас ложится только половина.

– Тогда – вперед!

– Тедрик, проснись!

ЛОМАРИАНСКИЙ мастер открыл глаза. Пробуждение не было постепенным и долгим, как у изнеженного человека нашего времени; он проснулся мгновенно и полностью, подобно почуявшему опасность горному барсу. Еще секунду назад он лежал расслабившись и тихо похрапывая в глубоком сне; в следующее мгновение он вскочил с кровати, схватил свой меч и прыгнул на середину комнаты. Он стоял, изгото-

вившись к бою – мышцы напряжены, суровые серые глаза полны тревоги, рука, держащая меч, тверда как камень. Каждый дюйм его огромного тела – шесть футов четыре дюйма, больше двухсот фунтов могучей плоти – был готов к действию. Пристальный взгляд кузнеца падал на мерцающее, почти невидимое существо, неподвижно висевшее в воздухе.

– Я восхищен тобой, Тедрик, – слова как будто сами рождались в глубине его мозга. – Ты сохраняешь полное самообладание. Любой другой человек твоего народа лишился бы от ужаса способности мыслить.

– Ты не из нашего мира, Повелитель, – Тедрик спустился на одно колено. Хотя он впервые удостоился обращения бога, но за свою жизнь не раз слышал о таких случаях. Так как бог не убил его немедленно, это, вероятно, не входило в его намерения, во всяком случае, в данный момент. Кузнец склонил голову и продолжал. – В Ломарре нет богов, у которых я вызывал бы восхищение. Кроме того, наши боги – твердые и тяжелые. Что ты хочешь от меня, странный бог?

– Я не бог. Если бы ты сумел проникнуть сквозь эту мерцающую завесу, ты мог бы снести мне голову своим мечом и я бы умер.

– Конечно. Так же, как Сар... – Тедрик прервал фразу на середине слова.

– Я понимаю. Ты боишься говорить?

– Да. Если даже человек один, боги и, следовательно, жрецы, которые служат им, могут услышать. Тогда человек ложится на плиту из зеленого камня и теряет свой мозг, печень и сердце.

– Нас никто не услышит, Я обладаю достаточной властью, чтобы обещать это.

Тедрик оставался молчаливым.

– Я понимаю твои сомнения. Хорошо, давай оставим эту тему. Скажи, что бы ты хотел спросить у меня?

– Я желал бы знать, как я слышу твои слова, хотя ты не произносил ни звука. Я кузнец и пытаюсь найти или сделать металл очень прочный, но не хрупкий. Медь не годится, я не могу закалить ее. Железо, которое я получаю, либо слишком мягкое, либо твердое и хрупкое. Мои смеси и сплавы, в которые я бросаю разные добавки, тоже получаются или мягкими, или не очень прочными.

– Ну, что ж, попытаюсь помочь тебе.

– Ты можешь, Повелитель? – глаза кузнеца вспыхнули.

– И ты научишь меня?

– Для этого я и прибыл сюда. Однако вопрос о том, буду ли я учить тебя или нет, зависит от некоторых обстоятельств, в которые следует внести ясность. Для чего тебе нужен этот металл – иными словами, в чем заключается твоя главная цель?

– Величайший из наших богов, Сарпедион – плохой бог – и я собираюсь убить его. – Глаза Тедрика зажглись ненавистью.

– Плохой? В чем это выражается?

– Во всем! – взволнованный кузнец повысил голос. – Что хорошего в боге, который умеет только убивать и вредить? Наши люди, Повелитель, нуждаются только в том, чтобы спокойно работать и не бояться. Как можем мы в Ломарре жить спокойно и счастливо, если в любой год больше смертей, чем рождений? Нас осталось слиш-

ком мало. И все мы, – кроме жрецов, конечно, – должны тяжело трудиться, чтобы не умереть с голоду,

– Это подтверждает мои догадки. Скажи, если ты получишь прочную сталь, мы называем ее высокоуглеродистой, что ты станешь с ней делать?

– Если ты дашь мне божественный металл, Повелитель, я сделаю меч и доспехи – острый меч, способный рассечь медь и обычное железо, прочный панцирь, который не смогут пробить медные и железные мечи. Это нужно мне, чтобы пробиться сквозь толпу вооруженных жрецов и их приспешников.

– Одному? Но почему?

– Потому, что я не могу просить о помощи. Любой, кто узнает об этом или захочет мне помочь, очень скоро ляжет на зеленый жертвенный камень. Жрецы давно подозревают меня.

– Но для сражения с целым отрядом солдат надо много больше, чем хороший меч и панцирь, ты большой оптимист!

– Этот металл есть все, что я прошу, Повелитель, – упрямо сказал кузнец. – Остальное – моя забота.

– Пусть будет так. И что же дальше?

– Изображение Сарпедиона, как ты, наверное, знаешь, сделано из камня, дерева, меди и золота, не считая драгоценностей, конечно. Я возьму его мозг, печень и сердце, полью горючим маслом и принесу их в жертву...

ПОДОЖДИ! Сарпедион – не живое существо. Ты сам только что сказал, что он сделан из камня, меди и...

– Не будь наивным, мой Повелитель! Или ты проверяешь меня? Боги – это духи. Они связаны со своими изображениями и, в меньшей степени, со своими жрецами душевной силой. Если уничтожить эти связи с помощью огня и жертвоприношения, бог не умирает, но он не способен мстить, пока жрецы не изготовят новое изображение и не потратят много времени и сил, чтобы восстановить связи. Я сделаю твое изображение, Повелитель, чтобы ты мог обитать в нем. Я принесу Сарпедиона в жертву тебе, мой странный новый бог. Пока я жив, ты будешь моим единственным богом. Но как твое имя, мой Повелитель? Я не могу всегда называть тебя «странный бог».

– Меня зовут Скандос.

– Ск... Скн... Мой язык не может произнести это слово. С твоего разрешения, Повелитель, я буду называть тебя Ллосир.

– Называй как угодно, только не богом.

– Ты смеешься надо мной, Повелитель Ллосир, – обиженно сказал Тедрик. – Любой человек, увидевший тебя, признал бы в тебе бога.

Скандос сдался. Он мог бы спорить неделю с упрямым кузнецом без всякого успеха.

– Договоримся еще об одном, Повелитель, – продолжал Тедрик. – Ясно ли ты понял, что я хочу прекратить человеческие жертвы? Их больше не будет – даже для тебя. Я готов предложить тебе все, что ты пожелаешь, кроме человеческих жизней.

– Хорошо! Пусть твое решение будет твердым и окончательным. И мне не нужны жертвы – ни сейчас, ни в будущем. Ты понял меня?

– Да, Повелитель.

– Что же касается изображения, которое ты собираешься делать... в этом нет никакой необходимости.

– Иначе нельзя, мой Повелитель. Могут подумать, что ты – маленький и слабый бог. Кроме того, изображение поможет мне вызвать тебя в случае нужды.

– Ты не можешь вызвать меня. Если когда-нибудь ты снова увидишь или услышишь меня, то только потому, что этого хочу я, а не ты.

– Замечательно! – воскликнул Тедрик. – Все боги действуют подобным образом и, несмотря на это, они говорят – через своих жрецов, конечно. Я рад, что ты так откровенен со мной, Повелитель Ллосир. Но не пора ли нам перейти к божественному металлу?

– Да, ты прав. Итак, возьми тот большой кусок «металла, упавшего с неба».

– Но я ничего не могу с ним сделать, Повелитель. Я уже пытался...

– Меня это не удивляет. Обычные метеориты – железноникелевые, но этот включает два тугоплавких элемента – вольфрам и ванадий, которые необходимы для наших целей. Чтобы расплавить метеорит, ты должен раздуть огонь посильнее. Тебе понадобятся также древесный уголь, металлургический кокс и кое-что еще. Этот зеленоватый камень, из которого сделан жертвенный алтарь... Ты можешь добыть немного этого вещества?

– Сколько угодно.

– Достаточно меры, равной твоему весу. И еще нужна черная руда, которую ты обычно используешь – четверть твоего веса.

ИНСТРУКТАЖ продолжался – подробный, со всеми деталями, начиная от исходного сырья я до конечного продукта.

Затем Скандос сказал:

– Если ты тщательно выполнишь все мои указания, получишь высокоуглеродистую сталь с добавками хрома, никеля, ванадия, молибдена и вольфрама. Это то, что тебе нужно. Ты хорошо запомнил мои слова?

– Я запомнил, Повелитель. У меня хорошая память, я никогда ничего не записываю. Я запоминаю все – каждый вес руды и угля, каждую температуру и каждый шаг процессов плавки и обработки. Все это – в моей голове.

– Тогда я ухожу. Прощай.

– Прощай, Повелитель Ллосир. Благодарю тебя.

Ломарианин склонил голову, и когда он выпрямился, его странный посетитель уже исчез.

Тедрик лег обратно в постель и, несмотря на охватившее его возбуждение, почти мгновенно уснул. А утром, поглотив на завтрак чудовищное количество мяса, хлеба и молока, он вышел во двор и вызвал из мастерской своего помощника и всех подмастерьев.

– Странный бог по имени Ллосир явился ко мне этой ночью и показал, как делать хорошее железо, – сказал Тедрик своим людям. Тон его заявления не допускал возражений. – Бросайте ваши обычные дела и разберите трубу и весь верх большого горна. Я покажу вам, как надо его перестроить.

Работа закипела. Программа, изложенная Скандосом, выполнялась быстро и без задержек. Наконец, в перестроенном горне загудело пламя, раскалившее докрасна бес-

форменную массу метеорита. Тедрик взмахнул рукой, приказывая качать еще сильнее. Но тут запротестовал его помощник, который сам являлся опытным мастером. Его преданность Тедрику была безграничной, как и вера в здравый смысл своего хозяина, но тут и он не выдержал.

– Заткнись, парень! – рявкнул Тедрик. – Делай, что говорю! Вели этим четверем бездельникам притащить побольше воды! После плавки мы накроем печь мокрыми шкурами, чтобы удержать тепло – металл должен остывать медленно. Вы, двое, бросайте больше угля! Поворачивайтесь живее! Я сам встану у мехов – сейчас надо качать в полную силу!

Ухватившись руками за рукоять мехов, он напряг спину. Пламя ярко вспыхнуло, загудело. Адская жара царила в кузнице; тело Тедрика покрылось потом, но, не прекращая работы, он давал указания помощникам:

– Ты помнишь, парень, мой меч, который я обычно ношу, с рубинами на рукояти?

Помощник кивнул. На лице этого достойного мужа появилось выражение страстного желания. Цена Тедрикова меча равнялась его полугодовому заработку.

– Слушай внимательно, парень. Горн должен оставаться горячим весь день и всю ночь; кроме того, тебе надо будет еще кое за чем последить. Но работа не займет много времени – дней десять, не больше. – На самом деле процесс требовал семи дней, но Тедрик не хотел, чтобы эта информация каким бы то ни было образом дошла до жрецов. – Десять дней, запомни. Но в это время ты должен выполнять все, что я говорю – и выполнять точно. Тогда ты получишь мой меч с рубиновой рукоятью.

НАСТУПИЛИ относительно спокойные дни, когда требовалось только поддерживать огонь в большом горне. Положившись в этом на надежного помощника, Тедрик приступил к созданию статуи своего нового божества. К сожалению, ему не удалось как следует рассмотреть лицо Скандоса. В результате голова статуи являла больше сходства с чертами помощника Тедрика, чем с настоящим Скандосом. И все же эта, наиболее замечательная часть скульптуры, имела какое-то отношение к оригиналу. Но на голове всякое сходство с реальным Скандосом заканчивалось. Остальные части тела великого хронофизика были слишком малы и слабы, чтобы являться достойными прототипами для любого ломарианского бога. Вид блестящей медной статуи должен был внушать уважение и страх, поэтому торс и конечности божества Тедрик изваял неимоверно мускулистыми и огромными. Но чем меньше было портретное сходство, тем внушительнее выглядело божество. Тедрик невольно любовался творением своих рук.

ОНИ идут, хозяин, одиннадцать человек! – Мальчик, стороживший у дороги, стремительно влетел в кузницу. Седьмой день после начала плавки уже перевалил за середину. – Один жрец в медном панцире, десять латников: пять лучников и пять копьеносцев!

Тедрику не надо было говорить пареньку, куда идти и что делать; оба устремились к оружию, причем младший на пару шагов опередил своего хозяина. Это доказывало, что мальчишка не раз выполнял функции сторожа и ору-

женосца: с его помощью полуобнаженный Тедрик за считанные минуты полностью облачился в железо. Когда одиннадцать незваных посетителей приблизились к мастерской, у двери их ждал вооруженный рыцарь, небрежно опиравшийся на рукоять огромного молота.

Развевавшийся над отрядом вымпел принадлежал жрецу-воину третьего ранга. Это было хорошо: значит, они не воспринимали Тедрика всерьез, если не удосужились послать кого-нибудь посолить. И всего лишь десять невысоких, кривоногих и жилистых солдат.

Отряд приблизился на несколько шагов и остановился.

– Ты в полном вооружении, кузнец? – обескураженно спросил жрец, как будто не доверял собственным глазам. – Почему?

– Почему бы и нет? У меня такая привычка – встречать гостей в том же наряде, в каком они пожаловали.

Оба вызывающе смирив друг друга взглядами. Затем, после краткой паузы, кузнец спросил с едва скрытой насмешкой:

– Чему я обязан честью видеть тебя, жрец? Разве я не заплатил налог великому богу?

– Это так. Но я пришел сюда не из-за налогов. Прошел слух, что тебе являлось странное божество, говорило с тобой и наставляло в твоём ремесле; и что ты сделал его изображение.

– Я не делаю из этого тайны. Я ничего не скрываю от великого Сарпедиона и его слуг.

– Возможно. Но почему бог явился тебе, а не одному из нас, служителей Храма?

– Это божество не похоже на Сарпедиона. И все, что я

прошу у Сарпедиона и его слуг – оставить меня в покое. Я немало плачу за это.

– Какой договор заключил ты с этим Ллосиром? Какую цену ты должен заплатить?

– Пока еще я не заключил никакой сделки. Но думаю, когда-нибудь он назначит цену. Какой бы она ни была, я заплачу с радостью.

– Ты заплатишь, можешь не сомневаться. Но не Ллосиру, а великому Сарпедиону. Теперь же я приказываю тебе – немедленно уничтожить изображение ложного бога!

– Ты приказываешь? Но почему? Разве это проступок против закона – иметь личного бога? У большинства семей и знатных родов в Ломарре есть свои боги-покровители.

– Но не такие, как твой. Сарпедион не желает, чтобы твой Ллосир существовал.

– Но он уже существует! Неужели твой великий бог так испуган, так слаб, что не способен защитить себя от...

– Не богохульствуй! Эй, люди, хватайте его! И разбейте дьявольское изображение!

– Стоять! – взревел Тедрик громовым голосом. – Если кто-нибудь сделает вперед хотя бы шаг, твои мозги, жрец, будут размазаны по стене моей кузницы! Может ли медный горшок у тебя на голове выдержать удар этого молота? Может ли твое жирное тело двигаться достаточно быстро, чтобы увернуться от моего удара? И я обещаю, что все эти крысы, которых ты привел, умрут раньше, чем собьют меня с ног!

ЕЩЕ некоторое время, словно оценивая ситуацию, жрец в упор смотрел на застывшего в боевой позиции мастера, потом перевел взгляд на своих людей и, видно, решив не связываться, махнул рукой, повернулся и зашагал прочь. За ним последовала и вся команда.

Тедрик вернулся в мастерскую. Он ясно сознавал, что угрозы жреца не являлись пустым сотрясением воздуха. Следующий визит может быть другим... совсем другим. К счастью, он принял необходимые меры предосторожности. Ни один из его людей не знал, что закрытые глиняные сосуды, которые они подвергали осторожному нагреванию, содержали только древесный уголь и кокс. Панцирь и шлем, меч и щит, топор и молот закаливались в ванне с маслом в святая святых – маленькой каморке позади спальни Тедрика.

Вечером он выбрал мелкозернистый наждачный камень и начал затачивать режущие кромки своего нового меча. Затем тщательно закрепил двуручную рукоять с массивной поперечиной гарды. Его трепещущие пальцы, искусные пальцы мастера, снова и снова гладили, ощупывали, изучали каждый дюйм стального клинка. Он ласкал ладонью гладкую поверхность лезвия, чувствуя скрытую в нем мощь. Да, это был новый, невиданный ранее сплав! Настоящий божественный меч!

На столе, на бруске из твердого дуба, уже лежала полоса черного железа пятидюймовой ширины, толщиной в палец. Он слегка стукнул по ней лезвием меча. Клинок зазвенел, подобно колоколу, оставив на темной поверхности железа зарубку. Удар средней силы по железному стерж-

ню также не принес урона мечу. На нем по-прежнему не было никаких отметок. Тогда, глубоко вздохнув, кузнец подверг божественный металл последнему испытанию – ударил со всей силой, на которую был способен. Раздался резкий звенящий звук, части перерубленной полосы полетели в противоположные углы комнаты, ужасный клинок на дюйм вошел в дубовый брус. Тедрик освободил оружие и уставился на блестящее лезвие. НИКАКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ! На мгновение он замер, пораженный, затем ликование затопило его сердце.

Теперь оставалось только приладить застёжки и кожаные петли к панцирю; Тедрик выполнил эту работу за два дня. Таким образом, когда служители Сарпедиона пожаловали снова, облаченные в тяжелое вооружение из лучшего железа, намереваясь сокрушить его числом и живым весом, он был полностью готов. На этот раз никто не вступил с ним в переговоры. Дверь комнаты открылась, нападающие бросились на кузнеца.

Тедрик, однако, тщательно выбрал место сражения. Он находился в углу. За его спиной располагалась каменная лестница, которая вела на второй этаж. Справа от него сплошная стена простиралась на двадцать футов. Слева, за лестницей, тоже была сплошная стена. Пока он не будет выбит с этой позиции, его могут одновременно атаковать не более двух человек.

Тедрик нанес первый удар – горизонтальный, на уровне шеи, и такой же яростно-стремительный, как тот, которым он развалил железную полосу несколько дней назад. Клинок из божественного металла почти не замедлил своего движения, рассекая железный панцирь, плоть и

кости. Какое-то мгновение голова в шлеме и верхняя часть плеча оставались на месте, потом тело врага рухнуло вниз, заливая пол кровью из ужасной раны.

Кузнец понял, что нет необходимости вкладывать столько силы в каждый удар. Все равно, никто не сможет сопротивляться ему достаточно долго. Вот почему следующим ударом, нанесенным сверху вниз, он рассек своего противника только до подбородка, хотя мог разрубить тело надвое. Третьим ударом, возвратным движением меча снизу вверх, смахнул голову очередному нападавшему.

Ответные удары, нацеленные в голову, шею и плечи, не могли повредить его защитное вооружение. Пожалуй, его беспокоил только грохот. Пять лет он проектировал и создавал доспехи, достигнув высшего мастерства. Его шлем, глубокий, опирающийся на плечи, был подбит многими слоями мягкой кожи – так же, как и панцирь, защищающий плечи и грудь. Ему пришлось несколько пожертвовать мобильностью – он не мог поворачивать далеко голову – зато силу любого удара по шлему принимали на себя его могучие плечи.

ОРУЖИЕ скользило по доспехам Тедрика, не оставляя ни вмятины, ни царапины. Гнулись и ломались мечи, со звоном отскакивали боевые молоты и секиры. Тем не менее атакующие постепенно продвигались вперед. Хотя каждый удар Тедрика уносил жизнь врага, шаг за шагом кузнеца оттесняли к ступеням лестницы.

И наконец случилось то, чего он ждал, на что надеялся. Облаченный в медные доспехи жрец оказался позади

воинов. Он смотрел на нечто за спиной Тедрика, подзывая его к себе взмахами руки; он даже не скрывал этот жест. Жрец разделил свои силы и послал часть людей обходным путем на второй этаж, чтобы зажать Тедрика между двумя группами, и сейчас он наблюдал, как захлопнется ловушка. Это было то, что надо.

Тедрик быстро поднялся на три ступеньки, присел и, напрягая ноги, прыгнул вперед и вверх. Двести тридцать фунтов его веса и почти сто фунтов покрывавшей его стали обрушились на группу врагов с высоты нескольких футов. На ногах не устоял никто.

Тедрик поднялся первым. Он рванулся к жрецу, поднимая меч, размахнулся и ударил – ударил со всей чудовищной силой, помноженной на скорость его прыжка, ударил так, будто перед ним стоял сам ненавистный Сарпедион.

Он наступил ногой на залитый кровью медный панцирь жреца и повернулся к солдатам. Ужас был написан на их лицах, они колебались, будто ждали чего-то – приказа или знамения свыше.

– НЕ ДВИГАТЬСЯ! – проревел Тедрик, размахивая мечом.

– Н... но... ты должен быть... быть мертв... – заикаясь, пробормотал сержант, его люди, опустив оружие, толпились сзади. – ТЫ ДОЛЖЕН... быть... мертв... великий Сарпедион... ДОЛЖЕН тебя...

– Я не похож на труп, не так ли? – издевательски усмехнулся Тедрик. – Твой Сарпедион, трус и кровопийца, – ничтожество, пустой горшок перед грозным ликом моего нового бога. Ллосир защищает и ведет меня.

Солдаты угрюмо сопели.

– Я хочу спросить тебя, сержант, и твоих людей, – продолжал кузнец. – Вы сражаетесь за плату или из любви к дракам?

Только неясное ворчание раздалось в ответ.

– Я не заставлял вас сражаться со мной, это вы явились сюда с обнаженными мечами. Впрочем, я готов задержаться и обслужить любого желающего, хотя у меня мало времени.

Желающих не оказалось. Оставшись без жреца, его подчиненные заметно сникли.

Тедрик повернулся и зашагал по дороге к Храму. Через несколько минут его догнал юный оруженосец. Мальчишка дышал тяжело, на плече он тащил топор и боевой молот из божественного металла.

ХРАМ Сарпедиона был высоким, узким строением с наружной лестницей, далеко вынесенной вперед. Лестница вела на плоскую крышу здания, там, в пятиугольной надстройке, находилась зала с жертвенным алтарем и статуей бога. Плотная масса наемников заполняла ступени, кое-где среди тусклых железных доспехов поблескивали полированные медные панцири жрецов.

Тедрик достиг подножия лестницы и начал упорно пробивать путь наверх. Это была тяжелая работа, и он старался не слишком утомляться. Неизвестно, что ждет его у алтаря.

Он карабкался все выше и выше, с удивлением замечая, что противников становится все меньше и меньше,

хотя следовало ожидать обратного. Жрецов на лестнице больше не было, не то он прикончил их всех, не то они разбежались – но уже минут пять медные панцири не попадались ему на глаза. Он добрался, наконец, до алтарной залы, где, по его предположениям, сплошная фаланга врагов должна была бы преградить ему путь. Однако там находилось только с полдюжины защитников, которые быстро ретировались, увидев кузнеца.

Тедрик вышел из притвора и, встав на верхней ступени лестницы, помахал рукой.

– Путь свободен! Поторопись! – крикнул он своему юному помощнику, и мальчишка рванулся вверх по ступеням с топором и молотом в руках.

И с помощью этих прочных орудий из божественного металла кузнец Тедрик обратил в пыль и прах каменную статую великого бога Сарпедиона.

ДИВЕЙН, верховный жрец Сарпедиона, был в отчаянии. Он искренне верил в своего бога. Но столь же искренне он верил в существование и грозную мощь нового бога Тедрика. Этот бог совершил чудо, в реальности которого нельзя было сомневаться – он явился к кузнецу и дал ему часть своей божественной силы.

За время жизни Дивейна великий Сарпедион не показывался на глаза смертным; однако в прошлом он не раз являлся своим жрецам, как гласили легенды. Нужно заставить бога показаться снова – чтобы покарать отступников и защитить его божественную власть.

Несомненно, самый надежный способ привлечь вни-

мание бога – привести ему достойную жертву, размышляя верховный жрец. Конечно, не раба и не любое число рабов. И не девственницу из простой семьи. Эта жертва должна была бы доказать глубочайшее уважение к богу... Может быть, взять самого короля? Слишком стар и обременен грехами... но... но его дочь... Да, отчаянная ситуация требовала экстраординарных мер.

При этой мысли в глубине его живота похолодело... Он вызвал младших жрецов и отдал приказ.

РОСЛАЯ фигура в сверкающих золотом доспехах возникла на краю храмовой крыши. Король Фагон! Монарх Ломарры ринулся к алтарю, когда Тедрик с торжествующим воплем выдернул из груды обломков печень Сарпедиона – кусок дерева, окрашенный в красный цвет. За Повелителем поспешали, неуклюже прыгая через несколько ступеней, с полдюжины придворных.

– Тедрик, скорее! – задыхаясь, прохрипел король. – Жрецы схватили Роанну и хотят отдать ее Сарпедиону!

– Они не смогут, господин. Я убил Сарпедиона – смотри!

– Они смогут! Они достали Священный Лик из тайной гробницы в подземелье храма Лабры. Прикончи этих мерзавцев прежде, чем они убьют Роанну, и ты будешь...

Тедрик не слышал щедрых посулов, сейчас даже бедственное положение принцессы не слишком его занимало. Сарпедион! Кровожадный дьявол проскользнул у него сквозь пальцы! С проклятьем Тедрик швырнул печень на пол и бросился вниз по лестнице. Недостаточно убить

только одного Сарпедиона! Пока жив второй идол, все так же на его земле будут править жрецы, все так же будут приноситься бессмысленные жертвы, все так же, как раньше, будет проливаться кровь!

Священный Лик... Эту статую Сарпедиона никто не видел до сих пор, кроме жрецов самого высокого ранга... И, конечно, только этой святыне может быть принесена в жертву королевская дочь! Глупец, он должен был подумать об этом раньше! Надо торопиться. Еще есть время, но чем раньше он будет там, тем больше шансов на победу.

Он забросил щит на спину и побежал; мальчишка-оруженосец мчался следом. Позади, отставая с каждым шагом, пыхтел, окруженный придворными, монарх Ломарры.

Достигнув площади, на которой возвышался храм Лабры, Тедрик с огромным облегчением убедился, что ему не придется штурмовать эту твердыню в одиночку. Храм был окружен отрядом королевских гвардейцев.

Тедрик окинул взглядом силы врага. Плотная фаланга копьеносцев; щиты сдвинуты, тупые концы копий уперты в землю. Сильная позиция, но рассчитанная явно на пассивную оборону, теснота и скученность сковывают маневр, и стоит лишь внезапным ударом взломать строй наемников, как он немедленно рассыплется, превратится в беспорядочно суетящуюся толпу людей, лишь мешающих сражаться друг другу.

– Мы будем наступать клином, – сказал Тедрик капитану. – Я встану впереди с топором. Этот сержант, – он ткнул пальцем в грудь рослого здоровяка, – понесет мой

меч и молот. Остальные пусть подпирают нас сзади и прикрывают с боков. Мы пройдем сквозь их отряд, как корабль по волнам. Стройтесь клином! Вперед!

КОЛОННА гвардейцев устремилась вперед подобно тарану с наконечником из закаленной стали. Тедрик врезался в плотный строй, несколько солдат упали при столкновении, образуя брешь. Прижатый мощным напором сзади к вражеским щитам, кузнец едва мог шевелить ногами, чтобы сделать очередной шаг, его тело как будто попало в тиски. Однако могучие руки Тедрика были свободны – и резкими, яростными ударами боевого топора он начал пробивать путь ко входу в Храм. За ним двигались самые сильные бойцы королевской гвардии. Их щиты были плотно сдвинуты, мечи и секиры разили врагов, оставляя за собой мертвые тела.

Смертоносный клин пробивался все дальше и дальше – к подножию лестницы, что вела на крышу храма, затем – вверх по широким ступеням.

Когда гвардейцы достигли вершины лестницы, сопротивление прекратилось. Бросив взгляд на алтарь, Тедрик понял, что церемония еще не закончена. Старый Дивейн в третий раз поднял жертвенный нож, обращаясь с молитвой к богу; согласно священному ритуалу, он должен был повторить это еще дважды.

– Убей этих собак! – крикнул Тедрик капитану, показывая мечом на двух охранников, маячивших у входа в жертвенную. – Я возьму на себя тех троих, у алтаря, твои парни пусть разберутся с остальными!

Когда Тедрик достиг зеленого алтарного камня, нож

был поднят в четвертый раз. Но удар, лишивший Дивейна правой руки, показал, что в этот день жертвоприношение не состоится.

Тедрик перерубил веревки.

– Тебе не причинили вреда, леди Роанна?

– Нет. Я только заоченела.

Взявшись за его протянутую руку, она села, оправляя разорванный ворот платья. Затем, наклонившись, начала растирать отекавшие от веревок голени. Длинные каштановые волосы рассыпались по ее плечам и полуобнаженной груди.

Высокая, крепко сбитая, но стройная – истинный отпрыск древней королевской крови – какая женщина, во имя святой печени Ллосира!

Тедрик осторожно обнял девушку окованной сталью рукой, ее глаза цвета океанской волны были почти на уровне его лица. Настоящая подруга для мужчины приличного роста!

– Хвала богам! – дыхание с шумом вырывалось из груди короля Фагона, но для человека под пятьдесят, пробежавшего две мили в золотом панцире, он еще сохранил форму. – Хвала всем богам, ты успел вовремя!

– Вовремя, сир, хотя чуть-чуть не опоздал.

– Назови свою награду, лорд Тедрик. Я был бы рад сделать тебя моим сыном.

– Только не это, сир, только не это. Меньше всего я хотел бы стать братом леди Роанны.

– Назначь его лордом Марки, отец, – быстро сказала девушка. – Помнишь, что гласят саги?

– Да, это будет лучше, – согласился монарх. Он вы-

прямылся, лицо его приняло величественное выражение. – Тедрик, потомок старого ломарианского рода, я объявляю тебя лордом и повелителем Верхней, Средней и Нижней Марки, пэрром королевства.

НА ДРУГОЙ временной линии другой Скандос и другой Фурмин, почти такие же, но чуть-чуть отличные от обитателей первой линии, внимательно изучали хронограмму,

– Критическая точка находится здесь, – задумчиво сказал Главный Физик, указывая концом карандаша на острый зубец хронограммы. – И ключевой фигурой является лорд Тедрик Ломарианский, открывший способ производства высокоуглеродистой стали. Им очень легко манипулировать... но, возможно, в этом нет необходимости. До катастрофы еще триста восемьдесят лет, а любое вмешательство в события прошлого скорее всего ухудшит ситуацию. – Скандос поднял голову и посмотрел на своего помощника. – За долгие годы совместной работы я убедился, Фурмин, в объективности ваших суждений. Что вы думаете по этому поводу?

– Я полагаю, мы должны подождать – как минимум, несколько недель или месяцев. Хотя восемьсот одиннадцатый опыт обманул наши ожидания, восемьсот двенадцатый или, скажем, девятисотый может оказаться успешным. В противном случае, мы будем в такой же ситуации, как теперь. И тогда мы подумаем, следует ли предпринимать действия, которые уже сто лет строго запрещены и Советом, и Академией.

– Пусть будет так.

Авторы этой песни **Алексей Иващенко** и **Григорий Васильев** (вы их видите на снимке) написали ее по просьбе Юрия Визбора. Но, к сожалению, случилось так, что Визбор не смог познакомиться с нею, он умер. Впервые публикуя текст этой песни в «ПиФе», мы хотим отдать последний долг памяти певца и поэта.

А вдруг...

Погиб ли тот фрегат,
Седой волной разбитый,
Иль, может быть, пират
Пустил его ко дну.

Но капитана ждет
Красотка Маргарита:
«А вдруг не утонул,
А вдруг не утонул?!»

Ах, как же трудно ждать
В неведеньи нелепом,
Песок со зла швырять
В зеленую волну.

Зачем вы, зеркала,
Прикрыты черным крепом?
А вдруг не утонул,
А вдруг не утонул?

А вдруг он жив-здоров,
Вдруг рано ставить свечи?
А вдруг он в Санта-Круз
За ромом завернул?

А вдруг случился штиль
Иль просто ветер встречный?
Ну, вдруг не утонул,
Ну, вдруг не утонул?

А вот, когда беда
Покажет глаз совиный,
И безнадежный мрак
Затянет все вокруг,

Когда приспустят флаг
В порту до половины,
Останется одно
Последнее – «...а вдруг?!»

Судебная организация народа майя

ХРОНИКИ, относящиеся к Юкатану, единодушны в том, что майя были миролюбивы и «управлялись с помощью законов и хороших обычаев».

...Труднее принять утверждение, что «эти люди жили так спокойно, что не было никаких споров». В другом ме-

сте хроники говорят о преступлениях и приводит перечень соответствующих наказаний. Военные вожди и жрецы обладали одновременно и судебной властью. Но у майя были и настоящие судьи, и чиновники «для выслушивания тяжб».

Четко различались преступления непреднамеренные и преднамеренные. Среди первых указываются случайные убийства, самоубийство мужчины или женщины по вине одного из супругов, случайный поджог дома, ульев и зернохранилищ, что бывало довольно часто, когда лес сжигали перед посевом. Во всех этих случаях суд проявлял достаточно терпимости, и если виновный сам не имел средств для возмещения ущерба, его друзья и родственники могли оказывать ему помощь.

Некоторые примеры подтверждают, что суд древних майя был строг и непреклонен, и его решения не подлежали апелляции. Убийство, любое – преднамеренное или случайное, – каралось смертью или уплатой рабом за умершего в зависимости от требований его родственников. Если убийцей был несовершеннолетний, он становился рабом. Воровство, даже незначительное, наказывалось рабством, длительность которого определялась ценностью украденного. Если вор не мог оплатить всю стоимость украденного, он оставался рабом навсегда.

За супружескую неверность также сурово наказывали. Если оскорбленный муж прощал виновного, тот оставался свободным человеком. Если же оскорбление не прощалось, виновного ждала позорная смерть – его поражали стрелами, раздавливали голову тяжелым камнем или «приказывали вытащить кишки через пупок». Неверную

жену могли приговорить к смерти, но обычно ограничились тем, что подвергали ее общественному позору. Изнасилование девственницы или замужней женщины также каралось смертью. Содомия считалась тяжким преступлением, и виновных сжигали на костре.

„У НАЧАЛА ВРЕМЕН“

Роберт
Ф. Янг

рис. Кожевникова И.В.

79 061 889 лет спустя
это место станет частью
штата Монтана.

Карпентер не удивился, увидев стегозабра, стоящего под высоким гинкго. Но он не поверил своим глазам, обнаружив, что на дереве сидят двое детей.

Стегозавр слегка толкнул ствол гинкго. Дерево судорожно дернулось.

Карпентер включил вторую передачу и навел рогопушки, торчавшие из лобовой части Сэма, точно в крестцовый нервный центр нахального стегозабра.

Эй вы, слезайте! Никто вас не съест. Слезайте, говорю! Бояться нечего.

Было ясно, что они ни слова не поняли из того, что сказал Карпентер. Но, переговорив между собой на каком-то певучем языке, они решились покинуть убежище.

Девочка протянула Карпентеру маленькие диски и помогла закрепить их на мочках ушей. Потом она надела такие же диски себе и мальчику.

Теперь мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

Ну и ну! Быстро же вы научились говорить по-нашему!

Да нет, не научились. Это сержки-говорешки - ну, микро-трансляторы. Через них все, что мы говорим, вы слышите по-своему.

Я совсем забыла, что они у меня в сумочке. Их всегда берут с собой в путешествие. Меня зовут Марси, это мой брат Скип, мы с большого Марса.

Меня зовут Говард Карпентер. Я с Земли, из 2156 года. Это 79062156 лет спустя. А это Сэм, моя машина времени.

Это они! Они нас уже нашли!

Быстро в кабину!

Они успели вовремя: первый птеранодон был уже так близко, что его правый элерон царапнул по гофрированному головному гребню Сэма.

Карпентер готов был закричать от удивления: Элероны? Фюзеляж? Выхлопные трубы? Что за странные птеранодоны? Он включил защитное поле и выдвинул его наружу от брони.

Карпентер промолчал. В его время, в 2156 году, Марс представлял собой унылую, пустынную, почти вымершую планету.

Марси, когда ты увидела птеранодонов, ты сказала: "Они нас уже нашли!" Что ты имела в виду?

Это не птеранодоны, мистер Карпентер! Это те, кто нас похитил. Их трое: Роул, Фридат и Холмер.

Они похитили нас со Скипом из подготовительной школы технологического Канонизационного Института Большого Марса и держат здесь в ожидании выкупа.

Скажи мне, Марси, ты веришь, что я пришел из будущего?

О, конечно, мистер Карпентер! И Скип тоже. Такой симпатичный человек, как вы, не станет говорить неправду.

Со страшным скрежетом одного из птеранодонов отбросило от поверхности защитного поля.

Ничего, крошка. Ты под защитой старика Сэма, так что бояться нечего. Познакомься, Сэм, это Марси. Присмотривай хорошенько за ней и ее братом, слышишь?

А где их межпланетный корабль, Марси? Где-нибудь поблизости?

Они решили нас УБИТЬ!

Вон там. Перейти через реку, а потом через болото. Мы со Скипом бежали

сегодня утром, когда Фридат заснул, а он дежурил у люка. Рано или поздно Космическая полиция Большого Марса разыщет корабль пиратов.

Марси, расскажи мне о вашей цивилизации.

Это замечательная цивилизация, мистер Карпентер. Мы с каждым годом добиваемся все больших успехов. А теперь, когда мы преодолели фактор нестабильности, прогресс еще ускорится.

Фактор нестабильности?

Да, человеческие эмоции. Они много веков мешали нам, но теперь этому конец. Теперь, как только мальчику исполняется 13 лет, а девочке 15, их десентиментализируют.

После этого они приобретают

способность хладнокровно принимать разумные решения, сообразуясь исключительно со строгой логикой. Еще 4 года, и нас будет десентиментализировать.

Вот что, слушай, крошка. Лезь-ка в каюту и приготовь что-нибудь поесть себе и Скипу. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но вряд ли это сильно отличается от земной жизни.

79062156 лет спустя палеонтологическая экспедиция, которая будет вести раскопки где-то в этих местах, наткнется на ископаемые останки современного человека, умершего за 79062156 лет до этого.

Может быть, это и есть мои собственные останки? Нет. Стоит лишь связаться со своими помощниками - мисс Сэндз и мистером Тетрайтесом, и они тут же явятся ко мне на помощь.

Поехали, Сэм! Поищем укромное местечко!

Уже известно, что в меловом периоде орудуют пришельцы. Значит, я не единственный, кому грозит опасность превратиться в эти останки.

Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

Но как, мистер Карпентер? Они заперенговали нас своими детекторами. Нам еще повезло, что у них есть только распылители, но нет главного оружия - радугометов!

Отделаться от них ничего не стоит - мы можем просто перескочить немного назад во времени.

Давайте перескочим назад на 6 дней. Тогда они нас ни за что не найдут, потому что нас здесь еще не было.

Ничего не выйдет, малыш. Собственной мощи Смаз хватит только на 4 дня, да и от этого у него двигатель сгорит.

Я думаю, нам лучше ограничиться одним часом. Сейчас я произведу кое-какие вычисления для перемещения во времени - и дело сделано!

Если это ускорит дело, мистер Карпентер, кое-какие действия я могу делать в уме. Например: 828464280 умножить на 4692438921 будет 3887518032130241880

Очень может быть, крошка, но я на всякий случай проверю... ОГО! Вот это да!

Она же у нас гений по части математики. А я по части техники. Поэтому нас и похитили. Правительство не пожалеет денег, чтобы нас выкупить. Наши родители больше не несут за нас никакой ответственности.

После 6 лет все дети переходят в собственность государства. Все марсианские родители десентиментализированы

Ага, вот оно что. Ясно. Ну, поехали, ребятки!

Карпентер включил рубильник временного скачка. Что-то замерцало, и ящероход чуть-чуть тряхнуло. Скачок прошел гладко.

Ну-ка, ребята, возьмите наверх, есть там птеранодоны?

Ни одного, мистер Карпентер! Ни единого!

А где мы будем ночевать мистер Карпентер?

Ну, а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе?

Разведем костер, приготовим еду, расстелем на земле одеяла - совсем на индейский манер.

А вот и подходящая пещера.

Можно, я развею костер?! Можно, мистер Карпендер? Можно?!

Это можно. И ты, Марси, можешь помочь, если хочешь.

Никогда еще Карпендер так много не говорил. Он рассказал им про индейцев апачей и про буйволы и про прерии и про многое другое, и все время, пока он говорил, они не сводили с него глаз. Можно было подумать, что он настез распахнул перед этими детьми волшебное окно в страну чудес.

Скип уснул... А у вас есть девушка, м-р Карпендер?

Да, в общем-то, нет.

Я бы так сказал: есть одна, но я ее, образно выражаясь, боготворю издали. Моя главная помощница в Североамериканском Палеонтологическом обществе, где я работаю, - мисс Сендз. Ее зовут Элейн, но я никогда по имени ее не называю...

Вы замолчали, мистер Карпендер? Язык проглотили?

Я просто задумался. Видишь ли, мисс Сендз холодна, равнодушна, как богиня, понимаешь? Мисс Сендз меня никогда не полюбит - теперь я точно знаю. Она даже не взглянет на меня лишний раз, двух слов со мной не скажет... Ну ладно, Марси, кончим на этом.

На следующее утро Карпендер, не теряя времени даром, собрался в путь. Но никакого определенного плана действий пока еще не было.

А можно поуправлять вашей машиной, мистер Карпендер?

Немного погодя, Скип. Вчера их было только два. Тогда они все тут! А значит, корабль никем не охраняется!

Туда запросто можно попасть. Это списанный военный авианосец со стандартными шлюзовыми камерами - открыть их ничего не стоит.

У Карпентера было только два выхода. Во-первых, он мог и дальше опекать детей, пока не подсплетет Космическая полиция Большого Марса. Во-вторых, он мог вернуться в точку входа и дать сигнал мисс Сендз и мистеру Детрайтесу, чтобы те перевернули трезертанк обратно.

Хорошо, мы встретим их там, на корабле!

Ну, этим они нас не возьмут - верно, старина Сэм? Приготовьтесь, ребята, сейчас мы снова прыгнем!

Каппентер включил рубильник. Сэма тряхнуло, и дневной свет превратился в предрастветную тьму.

Скорее всего, они нас не нашли. Иначе они бы не стали искать нас потом, верно?

Знаете что, мистер Карпентер? Вы ужасно умный.

Это и есть корабль! А они не очень старались, чтобы его не было видно с Земли.

Главное - как это выглядит сверху, чтобы не заметила Космическая полиция.

Ну что ж, я думаю, давно пора кому-нибудь первому их поймать. Как, по-вашему?

Ну вот что, ребята, закройте шлюз и ведите меня в радиорубку.

Марсианин, услышав шум, открыл иллюминатор, высунулся наружу и направил вниз свой распылитель. В этот самый момент Сэм врезался в посадочную стойку, и Холмер пулей вылетел из корабля.

Карпентера вместе с детьми оторвало от колонны. Он ухитрился на лету обхватить ребят и смягчил их падение своим телом, а сам ударился спиной о переборку и потерял сознание.

Я боялась, что вы умерли, мистер Карпентер!

Что, здорово я тебя обманул?

Значит так. Холмер мертв. Он выпал из корабля, прямо в это болото и утонул. Ну ладно, во всяком случае, теперь ясно, чьи это были останки.

Мистер Карпентер, птеранодоны возвращаются обратно!

Бегите к Сэму!
СКОРЕЕ!

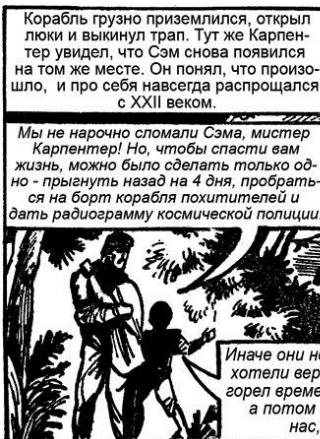
Карпентер не заметил черепаха, споткнулся об нее и растянулся на земле.

Подняв голову, он увидел, что Марси и Скип уже захлопнули кофляк Сэма. А через секунду оцепенел от ужаса: ящероход исчез!!!

Вдруг на землю легла огромная тень космического корабля. Из его нижней части вылетели три радужных луча и птеранодоны исчезли.

Корабль грузно приземлился, открыл люки и выкинул трап. Тут же Карпентер увидел, что Сэм снова появился на том же месте. Он понял, что произошло, и про себя навсегда распрощался с XXII веком.

Мы не нарочно сломали Сэма, мистер Карпентер! Но, чтобы спасти вам жизнь, можно было сделать только одно - прыгнуть назад на 4 дня, пробраться на борт корабля похитителей и дать радиосигнал космической полиции.

Иначе они не успели бы вовремя. А потом, когда мы хотели вернуться в настоящее время, у Сэма перегорел временной двигатель, и пришлось его чинить, а потом Сэм все равно сломался и... простите нас, пожалуйста, мистер Карпентер!

Ничего, крошка. Все в порядке! Вы правильно сделали, и я вами горжусь. Это же надо было все так точно рассчитать.

А я... я же неплохо считал, мистер Карпентер.

А рубльничек включил я! И временной двигатель починил тоже я, когда он сломался!

Знаю, Скип. Вы оба молодцы!

Он повернулся к марсианину, вышедшему из корабля с волшебной палочкой в руках и заметил, что тот уже вдел в уши микротрансляторы.

Я полагаю, что столь же обязан вам, как и Марси со Скипом. И я весьма признателен. А теперь у меня к вам просьба - взять меня с собой на Марс. Видите ли, мой ящероход сорвал и отремонтировать его могут только в сверхсовременной мастерской.

Мое имя Гаутор. Правительство Большого Марса выражает вам признательность за оказанную услугу - спасение двух его будущих ценных граждан. Я благодарю вас от его имени. А теперь, мистер Карпентер, ПРОЩАЙТЕ.

Гаутор направил свою палочку на корабль пиратов. Через секунду из полицейского корабля вылетел радужный снап огня и превратил пиратский звездолет в ничто.

Погодите, я не умоляю о спасении своей жизни, но, если вы примете меня в свое общество, я могу принести вам кое-какую пользу. Я могу, например, научить вас путешествовать во времени. Я могу...

Если бы мы хотели путешествовать во времени, то давным-давно этому бы научились. Путешествие во времени - занятие для глупцов. К тому же, на Марсе вы должны быть десантимиализированы. Но вы скорее согласитесь остаться и погибнуть здесь, в вашем прошлом.

Пожалуй, что так. Даже тиранозавр, в сравнении с вами, просто филантроп, а уж все остальные рептилии не в пример человечнее.

Ничего страшного, ребята. Не беспокойтесь за меня - я переживу. Животные всегда меня любили.

Я люблю вас, мистер Карпентер! Я буду любить вас всю свою жизнь!

Желаю вам обоим счастья. И желаю, чтобы они не смогли отнять у вас сердца.

Потому что уж очень хорошие у вас сердца!

Земля дрогнула. Повернувшись, Карпентер невольно сделал шаг назад. Это был тиранозавр.

Карпентер помчался к Саму. Забравшись в кабину и захлопнув клапан, он смотрел, как приближается тиранозавр. Беззащитный Сам был для него легкой добычей.

Почему же все-таки мне совсем не страшно?

Вы целы, мистер Карпентер? Вы выполнили задание?

Это вы, мисс Сендз!!!

Это был ящероход САПО. Мисс Сендз и Питер Детрайтес выдвинули трап и спустились на землю.

А откуда вы узнали, что мне пришлось туго? Ведь я ничего не посылал?

Сердце подсадало.

Ну, пора ехать!

Питер сел за руль. Карпентер, спустившись в кабину ящерохода, рухнул на койку. А мисс Сендз зашла в кухонный отсек приготовить еду.

Возьмите двух одиноких детишек. Один - гений по части математики, другой - по части техники. Двое детишек, которые за всю свою одинокую жизнь не знали, что такое быть любимыми.

Перевезите их на другую планету и посадите в ящероход, который прежде всего воспитательная игрушка. Устройте для них импровизированный пикник и приласкайте впервые в жизни. А потом отнимите у них все это и в то же время оставьте сильнейший стимул к возвращению - необходимость спасти человека...

Мисс Сендз, сколько будет 499999991 умножить на 8003492111?

400171898369111001! Что с вами, мистер Карпентер? Язык проглотили, а?

Марси и Скип шли кружным путем. Но в конце концов они добились своего. И теперь она смотрела на него с нежностью и обожанием - точно так же, как смотрела прошлой ночью, 79062156 лет назад, у мезозойского костра в верхнемеловой пещере.

Экстрасенсы

КОТОМКИН, глубоко вздохнув, переступил порог комнаты. Экстрасенс сидел в кресле в домашнем халате. На маленьком журнальном столике стояли старый закопченный кофейник и большой зеркальный шар, окруженный колодами карт.

– Здравствуйте! – Котомкин осторожно приблизился к столу.

– Садитесь, – экстрасенс кивнул на свободное кресло и тактично осведомился. – С Георгием пообщались?

– Разумеется, – слегка покраснел посетитель. – Десять рублей. Из рук в руки. Как положено.

– Жизнь, – философски пояснил хозяин. – Формальности... Слушаю вас!

– Я бы хотел узнать... – начал было Котомкин, но замолчал на полуслове.

– Да-да, – поощрительно поддержал экстрасенс. – Продолжайте!

– Вот вы, к примеру, действительно обладаете сверхмощным биополем, способным вызывать ожоги на теле любого человека?

– Научный факт, – экстрасенс постучал пальчиком по стопке газет, лежащих на тумбочке. – Газеты, небось, читали?

– Приходилось, – воодушевился Котомкин. – А предметы взглядом передвигать или просто так, из четвертого измерения, доставать умеете?

– Бывает, – прикрыл глаза экстрасенс.– Как сейчас помню: вот, однажды захотелось мне...

– А тучи взмахом руки разгонять? – прервал его размышления гость.

– И такое, – зевнул хозяин. – И мысли на расстоянии, и гипноз с закрытыми глазами...

Котомкин привстал от нетерпения и, перегнувшись через столик, нервно зашептал:

– А вот ночью, перед сном, бывает: накатывается волна, и вы взмываете ввысь, к потолку, а потом и дальше, в небеса, к звездам...

– Да-да, – вздохнул экстрасенс. – Об этом где-то тоже, помнится, писали.

Котомкин горячо пожал ему, руку и чуть ли не бегом выскочил из комнаты.

«Псих какой-то, – отметил экстрасенс, – даже на кофейной гуще погадать не попросил. Квалификацию теряю».

И он, вынув из кармана флягу с коньяком, торопливо открутил пробку,

...А счастливый Котомкин, выйдя из подъезда, радостно улыбался проходившим мимо людям.

«Не один я такой на этой планете, – светло подумал он. – Не один».

И взмахнув руками, он подлетел к ближайшей туче, откуда вытащил послезавтрашний номер «Советского спорта».

ТОГДА, В САМОМ НАЧАЛЕ...

— Ю. Уфальский —

ИНСПЕКТОР уголовного розыска Шаронов, гулко топая раскисшими сапогами, сбил с них комья снега, и с грустью поглядев на почти отвалившиеся подметки, поднялся на второй этаж. Пройдя полутемный коридор, толкнул дверь начальника УгРо.

Лопахин сидел за столом, на котором тускло светила керосиновая лампа, и что-то писал, сосредоточенно пощипывая лихие кавалерийские усы.

Шаронов молча прошел к столу и, сев на расшатанный, скрипучий венский стул, распахнул полы потрепанного, выдавшего виды крестьянского шабура.

— Ну, что? — не выдержал Лопахин.

— А ничего, — бесцветным голосом ответил Шаронов. — Чуть не до самого Березовска гнались. На Режевском тракту и потеряли. Пуржит, зараза... И куды только валит? Снежищу и так ноне намело. Зима кака была... И на тебе...

— Ты мне мозгу не крути, — оторвался от бумаги Лопахин. — Ты мне скажи прямо и честно: прошлепали! А то «пуржит... снежище...».

– Так я... – попытался возразить Шаронов, но Лопехин сурово зыркнул на него и, ровно поднявшись, вышел из-за стола. Шаронов виновато следил за Лопехиным, но возражать, а тем более спорить не смел. Начальник УГРО был крут, и Шаронов немного побаивался его.

– Ладно, – неожиданно мягко произнес Лопехин. – Доложи все, что удалось узнать об этой банде.

– Так ведь... – нерешительно начал Шаронов.

– Тьфу! – взорвался Лопехин. – Что ты мямлишь, мямлишь... Я же тебя старшим назначил! Значит, верил, надеялся на тебя. Где Омелин?

– Там остался, – совсем упавшим голосом ответил Шаронов. – В деревне... Мы как их потеряли, так я сразу сюда. Сообщить, значит... А Омелин в Кедровке...

– Так вы что, у Кедровки их потеряли? – удивленно вскинул брови Лопехин.

– Да, – кивнул Шаронов. – Почитай, верст семь отворотка. Они на розвальнях были. Мы их догнали почти, а тут завьюжило... Ну и...

Шаронов вдруг покачнулся. Лицо его стало бледным.

– Что это с тобой? – подозрительно глянул на него Лопехин. – Не ранен?

– Есть малость... – каким-то сухим, совершенно чужим голосом произнес Шаронов. – Отстреливались они... Мы тоже одного... уложили. Оказался этот... «Солист». Из банды Беспалого...

– Вот черт! – сокрушенно покачал головой Лопехин. – С тобой не соскучишься! Не мог сразу сказать? Куда тебя зацепило?

– В руку... – едва слышно проговорил Шаронов, сползая со стула. Лопехин подхватил его.

– Булыгин! – заорал он. – Булыгин! Да где ты пропал, черт побери?! Уснул, что ли?

БОЛЬШИЕ напольные часы в дежурке, словно нехотя, пробили четыре раза. Лопехин, помассажировав виски, утомленно прикрыл глаза. Он не спал толком уже пять суток. С того момента, как группа Шаронова вышла на банду налетчиков. Казалось, вот-вот и банда будет в руках. Но...

«Надо было ехать самому», – ругал себя Лопехин. Вернулся Булыгин, старший инспектор УГРО.

– Как он там? – поднял красные воспаленные глаза Лопехин.

– Ничего серьезного, – улыбнулся Булыгин. – Они почти двое суток без жратвы. Вот и сморило. А рана... так, царапина. Проспится – и утром будет как огурчик.

– Омелин в Кедровке, – сказал Лопехин. – Надо сейчас туда поехать. Один он там не справится. Возьми Анкудинова и Фомина.

– Когда ехать? – спросил Булыгин.

– Прямо сейчас и шуруй, – сказал Лопехин. – Если пусто, возвращайтесь назад. И без этих... без фокусов!

Проводив его взглядом, Лопехин снял с вешалки шинель и, сев на старенький скрипучий диван, стал стягивать сапоги. Но не успел он как следует улечься, в коридоре вновь забухали шаги и в проеме двери появился Булыгин.

– Василь Кондратич, – позвал он. – Не спите?

– Сплю! – зло буркнул Лопехин, натягивая шинель на голову. – Что опять стряслось?

– Омелин... убит, – тихо произнес Булыгин.

– Что?! – отбросив шинель, соскочил с дивана Лопехин. Сон как рукой сняло. Он подбежал к Булыгину и схватив его за гимнастерку, сильно встряхнул. – Повтори!

– Из Березовска звонили. Нэпмана какого-то там отобрали, который золотишком промышлял. Ну и... его вместе с женой... Ребята из уголовного розыска погнались за налетчиками, а те опять на Режевской тракт. Около Кедровки потерялись. Ребята в деревню. Давай дома обшаривать. Всю деревню перевернули. Пусто. Решили вернуться в Березовск. Смотрят, лошадь в поле. Подъехали. А рядом... Омелин. Мертвый уже. Шесть пулевых...

– Сволочи! – сквозь зубы процедил Лопехин. – Сволочи!.. Ну, я до них доберусь! Я этих гадов...

БАНДА Беспалого объявилась в Екатеринбурге в конце 1922 года и сразу же заявила о себе серией убийств, отчаянных нападений на ювелирные магазины и квартиры недавно объявившихся и ошеломляюще быстро расплодившихся нэпманов.

НЭП... Новая экономическая политика, в 1921 году сменившая откровенно винтовочные отношения военного коммунизма, была призвана стать фундаментом социалистической экономики. Это была сложная и во многом непонятная штука – НЭП. При общей картине обнищания, разрухи, голода, тифа – ломящиеся от товаров, с непомерно высокими ценами, магазины. Мелькавшие среди лаптей, рваных зипунов и потертых в окопах шинелей шикарные меховые манто и долгополые купеческие шубы с бобровыми воротниками.

На этой-то почве и взросла, выпестовалась банда Бес-

палого, наводя ужас не только в губернском городе, но и в Березовске, Арамиле, Невьянске и Нижнем Тагиле. Всего неделю назад банда Беспалого ограбила заводскую кассу на Уктусе, затем, среди белого дня, сразу три ювелирных магазина. А теперь убийство семьи нэпманов в Березовске, агента уголовного розыска Омелина...

ЛОПАХИН, слушая вполуха сбивчивый рассказ подчиненного, прокручивал в памяти длинный перечень преступлений банды.

– Стоп! – неожиданно остановил он Булыгина. – Повтори, что ты сказал?

– В городе появился Мишка Козырь, – повторил Булыгин.

– Козырь... Козырь... – прищурил глаз Лопухин, пытаясь вспомнить, где он слышал эту кличку. – Точно! Козырь из банды Беспалого! Помнишь, в январе Беспалый попал в засаду на Московской? Да, да, в доме сестер Нифонтовых.

– С ним был тогда Яшка Кривой, – вспомнил Булыгин.

– И кто-то из них крикнул: «Козырь, прикрой!» – загорячился Лопухин. – Помнишь? Два часа отстреливались, гады!

– Как я сразу не догадался? – хлопнул себя по лбу Булыгин.

– Где, говоришь, видели Козыря?

– В «малине», неподалеку от рынка, на Хлебной. Он и сейчас там. Уже второй день ночует.

– Надо за ним посмотреть, – сказал Лопухин. – Зря Козырь по городу шляться не будет. Или делает «накол-

ку», или... Возьмешь с собой Шаронова. И осторожнее там. Не спугните!

ЗИМА в том году сильно затянулась. Екатеринбург утопал в сугробах. Тяжелые снежные шапки гнездились на маковках Кафедрального собора, гнули вниз ветви рябин и тополей на набережной около окружного суда, глыбами свисали с крыши кинематографа «Красный Урал».

Лопахин, засунув руки в карманы шинели, быстрым шагом шел по Пушкинской. Миновав Нуровский сквер, он по узкой, протоптанной в снегу тропинке пересек Екатерининскую площадь и направился к гостинице «Пале-Рояль».

У входа, подняв воротник короткого пальто, прячась от порывов ветра, ждал Булыгин.

– Докладывай, – простуженным голосом сказал Лопахин.

– Козыря взяли под наблюдение на Хлебной площади, – скороговоркой зачастил Булыгин, – он потащился по Уктусской, затем свернул на Покровку и по ней дошел до Успенской. Около банка встретился с каким-то мужиком. Мужик передал Козырю сверток. Тот сразу же двинул по Успенке на Главный проспект...

– Улицу Ленина, – поправил Лопахин.

– Да, я и говорю... На улицу Ленина. А по ней прямехонько в гостиницу. За мужиком пошел Шаронов, а я сюда. Что будем делать?

– Братъ, – жестко ответил Лопахин. – Братъ будем.

– Может, наряд вызвать? – нерешительно предложил Булыгин.

– Наряд? – усмехнулся Лопехин и, нашарив в кармане ручку нагана, крепко сжал ее. – Где я тебе его возьму? Вот ты да я – и есть наряд.

Быстро взбежав на второй этаж, они подошли к шестому номеру. Прислушались. За дверь громко разговаривали.

– Козырь... – прошептал Булыгин.

– Давай, – Лопехин слегка толкнул дверь ногой. Она оказалась запертой изнутри.

– Вот черт! – тихо выругался Лопехин и скомандовал. – Ломай!

Булыгин, собравшись, вышиб дверь плечом и кубарем влетел в номер. Лопехин с револьвером в руке остановился на пороге.

– Всем сидеть! – властно рявкнул он, топорща усы. – Пристрелю на месте! Уголовный розыск.

В комнате находилось трое. «Козырь», разинув от неожиданности рот, судорожно хватал воздух, не в силах шевельнуться под дулами двух револьверов, которые, как ему казалось, были направлены именно на него. На столе горкой лежали золотые часы с массивными цепочками, несколько портсигаров, украшенных золотыми монограммами, кучка золотых монет. На куске лоснящейся замши холодно поблескивали драгоценные камни.

– Зови понятых, – приказал Лопехин Булыгину.

ПЕРВЫМ на допрос привели Козыря. Это был высокий худой парень лет двадцати пяти. Крупное лицо со слегка выступающей нижней челюстью свела судорога, похожая на ухмылку. На под-

бородке ключьями торчала давно не бритая черная щетина. Одет он был в старый зипун с выпиравшей в прорехе грязной овчиной.

– Допрыгался? – Лопехин, скрипя сапогами, подошел к Козырю. Тот, вжав голову в плечи, молчал. – Где Беспалый?!

– Не знаю, – быстро ответил «Козырь», не поднимая головы.

– Не ври! – прикрикнул на него Лопехин. – Золотишко, которое ты припер в «Пале-Рояль», тебе дал Беспалый? Так, да?

– Послушай, начальник, – зло сверкнул глазами Козырь. – От меня ты ни черта не добьешься! Понял?

– Таких, как ты, к стенке надо, – спокойным голосом сказал Лопехин. – Без всякого суда. Советская власть только-только на ноги встает, а вы... Уведи его, Булыгин. Пусть в камере посидит, подумает. Противно мне на него смотреть. А теперь давай сюда следующего!

Тот, получив разрешение присесть, небрежно развалился на стуле, закинув ногу на ногу.

– Фамилия?

– Устьянцев, – неторопливо, приятным хорошо поставленным баритоном ответил задержанный.

– Офицер? – резко спросил Лопехин и внутренне собрался, словно перед прыжком. – Нюх у меня на таких.

– Не имею чести, – ответил Устьянцев. – Я по коммерческой части. Фирма «Парижский шик».

– Даже так! – усмехнулся Лопехин. – Вы теперь все по коммерческой.

– Что поделаешь, – развел руками Устьянцев. – Время такое...

– Время, говоришь? – зло сказал Лопехин, и глаза его сузились в щелки, из которых остро поблескивали зрачки. – Офицерик! – уверенно заключил он. – Кавалерист!

– Абсурд! – Устьянцев равнодушно окинул взором кабинет. И, помолчав некоторое время, добавил: – К этой, как вы изволили выразиться, кавалерии никакого отношения не имел и не имею. И еще... потрудитесь объяснить, по какому праву вы вломились в номер и задержали нас?

– Арестовали как соучастников, – с ударением произнес Лопехин. – За скупку краденого и награбленного золота! Это не я, а вы потрудитесь объяснить, как вы оказались в гостинице, почему при вас была крупная сумма денег и какое отношение вы имеете к бандиту по кличке Козырь?

Устьянцев, по крайней мере внешне, не проявил никаких признаков беспокойства.

– Здесь произошла какая-то ошибка, – произнес он. – Да, я не отрицаю, что этот хам пришел к нам в номер и предлагал купить у него некоторые золотые вещи, но... как его зовут, я не знаю. Не имею чести. И если бы вы не ворвались столь неожиданным способом, я сам спустил бы этого типа с лестницы. Смею вас заверить.

– Поэтому, очевидно, вы и закрыли дверь на ключ? – усмехнулся Лопехин. – Чтобы легче было вышвыривать Козыря.

– В этом нет ничего необъяснимого, – впервые чуть заметно взволновался Устьянцев.

– А револьвер? – привстал на стуле Лопехин, в упор глядя на Устьянцева. – Револьвер, который отобрали у вас?

– Хм... револьвер... – отвел взгляд в сторону Устьянцев. – Тут все просто. Я нахожусь на службе у господина Покровского Бориса Пантелеймоновича. Того, которого вы задержали вместе со мной. А у него крупное дело. Частые разъезды с большими суммами денег. Если вы не можете защитить честных коммерсантов от всякой уголовной швали, нам приходится делать это самим.

– Послушай, ты! – выдохнул из себя Лопухин. – Ты советскую власть не трогай! Только и ищите, когда нашей власти конец придет. Не дождетесь! Мы вас всех...

– Вы не смеете, – едва сдерживаясь, произнес Устьянцев. – Я не позволю, чтобы каждое... каждый встречный мне тыкал. Я буду жаловаться!

– Вы, ваше благородие, хотели сказать «каждое быдло», – взял себя в руки Лопухин, переходя на «вы». – Я правильно вас понял?

– Не стоит обострять ситуацию, – слегка дрогнувшим голосом произнес Устьянцев.

ШАРОНОВ вернулся только к ночи. Весь облепленный снегом, он ввалился в кабинет Лопухина и тяжело опустился на диван. Старые ржавые пружины жалобно заныли под его грузным телом.

– Все в порядке? – нетерпеливо спросил Лопухин.

– Да, – кивнул Шаронов. – Расколосся Козырек. Все выложил. А я съездил и домик проверил. Там.

– Брать будем прямо сейчас. Через тридцать минут выезжаем, – распорядился Лопухин. Он подошел к столу и, выдвинув ящик, вынул оттуда бутерброд. – На, поешь! Как рука?

– Нормально. А чо ей сделается? – уральским говорком ответил Шаронов.

САНИ быстро неслись по Вознесенскому проспекту. Шел сильный мокрый снег. Лопахин собрал всех сотрудников милиции, свободных от дел. Набралось восемь человек. Пятеро сидели в санях, весело переговариваясь, а трое – Булыгин, Шаронов и Лопахин – скакали верхами. Под Лопахиным гарцевал гнедой жеребец по кличке «Черт», с которым он прошел многие версты гражданской войны.

– Но, но, – добродушно басил Лопахин, отмахиваясь от жеребца, пытавшегося укунить его за руку. – Не балуй... Ишь, разыгрался.

Миновав Клубную, дорога поползла вверх, к Вознесенской горке с взметнувшейся на ее вершине церковью. Промелькнул Харитоновский особняк с ровными рядами белых стройных колонн. Кони резво бежали, пофыркивая и глухо топая копытами по рыхлому снегу.

– Как въедем на Арсеньевский, у речки Мельковки, сразу налево, – приблизился к Лопахину Шаронов. – Скажите, чтоб не гоготали.

– Прекратить разговоры, – вполголоса приказал Лопахин.

Кони рванулись влево, и сани запетляли по узким изломанным улочкам слободы. Здесь жил в основном рабочий люд с завода Ятеса и старатели, промышлявшие золотишком на Мельковке и Исети.

– Тут сам черт не разберется, – наклонясь к Шаронову, тихо сказал Лопахин. – И как ты все запомнил? Скоро?

– Ишо немного попетляем, – уверенно ответил Шаронов.

Попетляв «ишо немного», остановились.

– Вон там, – махнул рукой в темноту Шаронов. – Пятый дом...

ОКРУЖАЙТЕ, – тихо, почти шепотом,скомандовал Лопехин и. лихо перекинув ногу через шею коня, не касаясь руками седла, спрыгнул вниз. Булыгин, повторив маневр Лопехина, не удержался на ногах и тяжело свалился в снег.

По группе милиционеров пробежал легкий смешок.

– Цыц!.. – прохрипел Лопехин, взметнув вверх кулак. – Не на базаре...

Дом был ветхий, с покосившейся крышей. Узкая, едва заметная тропинка, сейчас заметенная снегом, вела к воротам. Перемахнув через шаткий, невысокий забор, утопая в снегу, подобрался к крыльцу. Около окон уже стояли милиционеры.

Встав сбоку от дверей, Лопехин постучал. Затем сильнее, еще раз.

– Кого принесло? – слышался, наконец, хриплый со сна женский голос.

– Уголовный розыск, – отчетливо и громко произнес Лопехин. – Откройте! И без шуток!

Хлесткий выстрел распорол ночную тишину. За ним второй, третий. Стреляли через дверь. Пули, вырывая из двери куски досок, с противным жужжанием уходили в темноту.

«Из маузера садят!» – подумал Лопехин, прижимаясь к

холодным, облепленным снегом бревнам. По звукам выстрелов несложно было определить, что отстреливаются два или три человека.

– Крепко засели, – подвел итог Булыгин. – Не выкурить.

– Патроны кончатся, сами выйдут, – уверенно сказал Лопахин, и словно в подтверждение его слов, выстрелы стали звучать реже.

– Выбросьте оружие в окно и сдавайтесь! – вновь крикнул Лопахин, мало, правда, веривший, что бандиты примут его предложение.

В сенях послышалась ругань, кто-то пнул ногой ведро. Надрывный мужской голос спросил:

– Лопахин тут?

– Да! – ответил Лопахин.

– Ты можешь гарантировать нам жизнь? – снова слышалось из избы.

– Беспалый с вами?

– Беспалого тебе не видать как своих ушей! Он еще надерет с вас ремней! Попомните!..

И вновь несколько выстрелов, вырывая доски, хлестнули из сеней. Дверь распахнулась, и здоровенный бородатый детина, вскинув руки с маузером и наугад стреляя в темноту, выскочил на крыльцо. Выстрел Булыгина уложил его на месте.

Шаронов, перепрыгнув через убитого, исчез в проеме двери. Лопахин рванулся следом. Пуля дзинькнула около уха и глухо ударилась в доски сеней. Лопахин выстрелил на звук. Кто-то, коротко вскрикнув, упал. Лопахин метнулся вперед. Запнулся о клубок борющихся тел, упал, на

мгновение ощутив под ладонью мокрую овчину шаро-
новского полушубка.

Булыгин чиркал спичкой, пытаясь осветить сени. Подмятого Шароновым бандита подняли и, подталкивая в спину, ввели в дом. Булыгин нашел лампу, подкрутил фитиль.

– Раненые есть? – спросил Лопяхин.

– Степанов ранен, – сказали из полумрака.

– Эх, угораздило. Здесь где-то еще женщина была?

– Убита, – ответил из полумрака тот же голос. – Вон за печкой лежит. Свои же и порешили.

ЗАДЕРЖАННЫЙ оказался тщедушным мужичком лет сорока пяти. Он опасливо косился на милиционеров, на Лопяхина, в котором сразу признал начальника, на его грозно торчавшие вверх кавалерийские усы. Лопяхин кивнул в сторону трупa:

– Беспалый?

– Никак нет, гражданин-товарищ, – проблеял мужичонка козлиной фистулой. – Он, как вчерась ушел, так и не возвратался.

– Куда?

– А куда он может уйтить? К ентай... Райке, язви ее в душу.

– Где она живет, знаешь?

– Как не знать, на Тихвинской!

НА ТИХВИНСКУЮ ехали через заросший лесом полуостров. Лошади вязли в снегу. Ночь была на исходе, и Лопяхин нервничал: бандит мог проспать и уйти – ищи ветра в поле.

– Где? – отрывисто спросил Лопехин.

– Аккурат в этом доме, – ткнул рукой вдоль улицы мужичонка.

– Беспальный ушел один? – тронул мужика за плечо Булыгин.

– С Яшкой Кривым. Он завсегда с им.

– Быстрее, – шепотом скомандовал Лопехин и, указав на дверь, подозвал к себе жестом Булыгина. – А ну, двинь!

Булыгин, наткнув потуже свой потрепанный малахай, сильным ударом крепкого, мощного тела вышиб дверь. Она с грохотом вывалилась в сени. Рванув на себя обитую каким-то тряпьем дверь, Лопехин ворвался в комнату. У порога, прямо на полу, спал Яшка Кривой. От него несло перегаром. И он навряд ли что понял, когда на него всей тяжестью навалился Шаронов. Влетев во вторую комнату, Лопехин увидел Беспалого, сидевшего в одних кальсонах на кровати и нервно собиравшего в барабан револьвера рассыпавшиеся патроны. Ударом ноги Лопехин выбил у него оружие и, ухватив Беспалого за шею, подмял под себя. Подбежавший Булыгин захлестнул руки Беспалого ремнем.

Через секунду все было кончено. Только Райка, сидя на кровати и натянув по самую шею лоскутное одеяло, выла протяжно и противно, размазывая по лицу слезы.

Допрос Беспалого подходил к концу, когда в кабинет вошел Булыгин с огромным узлом в руках. Развязав его, он выложил на стол перед Лопухиным защитного цвета френч. Холодным серебром блеснули офицерские погоны.

– Вот, – кивнул Булыгин на френч. – Нашли при обыске.

– Значит, штабс-капитан?! – сквозь зубы процедил Лопехин, уставившись на Беспалого пронизывающими серыми глазами. – Шкура!..

– Не-на-ви-жу! – неожиданно вскинул вверх голову Беспалый и пристально, не отводя взгляда, посмотрел на Лопехина. – Н-не-на-ви-жу! Голь! Плебей! Мразь! Всех вас надо душить! Вешать! Рвать на куски!

Его голос сорвался на тонкий женский визг. Это было так неожиданно, что в кабинете раздался хохот: смеялись все, снимая смехом нервное напряжение прошедшей ночи.

Огурцы

Ю. Ураловский

ЛЕЙТЕНАНТ Зворов, утомленный вечерней суетою и неразберихой, которая всегда бывает в эти часы, устало тер виски.

«Скорее бы все улеглось, – с надеждой думал он, поглядывая в сторону двери, ведущей в дежурку. – Что за день! Ну никак не угомонятся!».

Но дверь, словно заведенная, то распахивалась, то закрывалась, впуская и выпуская из дежурки все новых и новых посетителей. Стрелки часов приближались к одиннадцати вечера.

И вдруг стало тихо. Как отрезало. Дверь, последний раз трахнув со всего размаху по косяку, замерла, поблескивая большими зеркальными стеклами.

– Уф... – произнес Зворов и тяжело опустился на стул, намереваясь хоть на минутку забыться, но вдруг вспомнил, что обещал позвонить домой.

К телефону долго никто не подходил, и Зворов уже хотел повесить трубку, как на другом конце провода слышался сонный голос жены.

– Позднее не мог? – спросила она. – Все спят уже...

– Закрутился... – извиняющимся голосом произнес Зворов. – Но ты сама же просила позвонить.

– Проснулся... – иронически сказала жена. – Когда это было?

– Днем... – ответил Зворов и постучал пальцем по полированной поверхности стола. – А какая разница?

– А такая, – зло зашипела жена, – что я хотела попросить тебя купить огурцов. Завтра к нам гости придут. Или забыл?.. Из чего салат-то делать?

– Так утром куплю, – оправдывался Зворов, совершенно не понимая, отчего так гоношится жена.

– Да купила уже, – крикнула она. – Тебя дождешься. До нас тебе и дела нет, – в голосе жены слышались слезливые нотки. – Мать вон и то говорит...

– Хватит тебе, Татьяна, – нерешительно произнес Зворов. Он уже пожалел, что позвонил домой. – Я...

Но на другом конце повесили трубку.

«Вот сверло! – подумал о жене Зворов. – Я-то тут при чем? Мать... Ведь говорил же, давай жить отдельно». Настроение испортилось.

ПЕТРОВ! – крикнул Зворов. – Петров!

– Вы же его, товарищ лейтенант, ужинать отпустили, – вышла из операторской Зоя. – Он на вокзал уехал. За бутербродами.

– Да я так, – махнул рукой Зворов. – Он мне и не нужен.

– С женой поругались? – заинтересованно спросила Зоя, сочувственно глядя на лейтенанта.

– А-а, – отвернулся Зворов к окну и ощутил, что ему стало жаль себя.

В операторской зазвонил телефон. Зоя быстро юркнула в комнату, и оттуда послышался ее звонкий голос.

– Слушает центральный... Есть. Записываю... так... так... пятнадцать. Во сколько? Ясно. Все! Записала.

– Что там? – устало спросил Зворов, входя в операторскую.

– Сигнализация сработала. Овощной на Учителей, пятнадцать. Наряд ПМГ уже там.

– Где Петров? – снова спросил Зворов. – А-а... на вокзале. Вот не вовремя. Придется самому ехать.

Зворов поправил португую с кобурой и пошел во двор. Шофер спал в машине, удобно расположившись на передних сиденьях. Включив проблесковый маяк, машина понеслась, обгоняя редкие в этот час троллейбусы и трамваи. Удобно устроившись и вытянув ноги, Зворов лениво наблюдал за мелькавшими в окне огнями машин, одинокими прохожими, и чувство безотчетной злобы закипало в нем. Всю ярость своего сознания он обрушил на тещу. «Как было бы хорошо, – думал он, – если бы эта старая карга жила отдельно! Сколько крови испортила она мне!

Ну, что ей не хватает? Зарплату отдаю. Не пью... Ну, если по праздникам... Так кто сейчас не пьет? Сосед, вон, Гришка, трескает дай бог! Каждый день домой приползает словно контуженный. И ничего. Правда, и жена у него не моя Татьяна... Да и опять же без тещи живут. Ну, врежет она ему... Ну, покричит... Живут же! А моя?»

МАШИНУ сильно трянуло на ухабе, и это вывело Зворова из горькой задумчивости. Громко и смачно выругался шофер.

– Чем матюкаться, ты лучше на дорогу смотри, – не без злобы сказал ему Зворов.

«Вот в прошлый раз, – думал он, – Витька Терехин с женой в гости пришли. Витька еле на ногах стоял. Все к Татьяне целоваться лез. Жена ему ни слова. А я?.. Попробуй я так... Когда они ушли, теща, словно таран, поперла на меня. Витька, видите ли, ей не понравился. А что, я его гнать должен? Друг ведь. Почти пятнадцать лет вместе. Опять же эти огурцы, да пропади они пропадом! Овощной ведь у самого дома».

– Приехали, товарищ лейтенант, – услышал Зворов голос шофера и нехотя оторвался от своих мыслей, так и не успев до конца решить, что же он сделает завтра со своей женой и тещей.

– Сработала сигнализация, – доложил ему молоденький милиционер. – Взломан замок на крышке люка, ведущего в подвал.

– Магазин осмотрели?

– Нет. Вас ждали.

– Показывай, – приказал Зворов и пошел вслед за милиционером. – Директора магазина вызвали?

– Так точно.

Замка на люке не было. Зворов наклонился и дернул за ручку, крышка подалась легко, без усилий. Внутри зияла чернеющая пустота подвала.

– Дай фонарь, – повернулся Зворов к милиционеру, стоявшему на корточках возле ограждения люка. Тот сунул ему в руку фонарик и встал, отряхивая брюки от налипших частичек мусора.

Зворов осветил внутрь. От самого верха люка, исчезая в темноте подвала, спускался деревянный скат, по которому сбрасывали мешки с овощами.

– Да-а... – покачал головой милиционер. – И не слезешь... Прямо как горка. Полей водой и катайся.

– Вперед! – приказал Зворов, отстраняясь от люка и уступая место милиционеру.

ДОСКИ, укатанные и отполированные мешками, блестели под лучами ручного фонаря и действительно напоминали ледяную горку, круто уходящую вниз. Держась руками за край ската, милиционер вдруг, издав вопль, исчез в люке. Внизу что-то загремело.

– Живой? – спросил Зворов, глядя в люк, словно в бездонную пропасть. – Эй?! – Он повернул голову ухом к люку и прислушался.

Внизу по-прежнему было тихо.

– Эй?! – снова крикнул Зворов и, встав на колени, стал светить фонарем вовнутрь. Но слабый луч света не достигал дна подвала, и Зворов, выругавшись, свистнул. Свист эхом раздался в пустоте.

– Да живой я, живой! – услышал он голос милиционе-

ра, доносящийся из темноты. – Тут мешки какие-то. А так ничего, кататься можно,

– Принимай! – расхрабрился Зворов и, едва протиснув свое грузное тело в узкий люк, стал на доски ската. Но ноги сами, не желая слушаться хозяина, устремились вниз. Упал на что-то мягкое и уже через мгновение, потирая ушибленную спину, стоял на ногах.

– Пошли... – сказал он милиционеру и, освещая дорогу фонариком, побрел по подвальному помещению. Осмотрели весь подвал. Дверь, ведущая в зал магазина, была закрыта снаружи и это давало основание полагать, что преступник не проникал в торговый зал. Вернулись к скату.

– Никого... – сказал милиционер, подымаясь по доскам ската наверх. Не успел он сделать и трех шагов, как, соскользнув, полетел вниз. Поднявшись, он снова сделал попытку взобраться по скату, но так же, как и в первый раз, очутился внизу, больно ударившись о контейнер с капустой.

Зворов, сидя на мешках, совсем загрустил. Вновь всплыл в памяти слезливый голос жены, теща, встречающая утром его таким взглядом, словно он вернулся не с работы, а от очередной любовницы.

И ВДРУГ он услышал храп, доносящийся откуда-то слева.
– Слышишь?.. – схватил он милиционера за рукав. – Кто-то храпит...

– Слышу... – шепотом ответил милиционер и ткнул пальцем в темноту. – Вон там...

Осторожно, стараясь не шуметь, они пошли на звук и,

не пройдя и пяти шагов, увидели свернувшегося калачиком на груде мешков мужчину. Он сладко спал, подложив лодочкой руки под щеку, накрывшись пыльным мешком.

– Эй... – тронул мужчину за плечо Зворов.

Мужчина приподнял голову и, недоуменно щуря глаза от фонарика, посмотрел на Зворова.

– Щас... – наконец промямлил он, смахнув тыльной стороной ладони слюну в уголке рта, и потрянул головой, стараясь прогнать сон.

– Ты как сюда попал? – спросил его милиционер.

– Я? – вопросительно посмотрел на него мужчина и вдруг рассмеялся. – Я... это... За... Поверите, нет, за огурцами сюда пришел.

– Какими огурцами? – зло спросил Зворов и потрянул мужчину за плечо. – Проснись!.. Давай, давай, просыпайся!.. И кончай дурака валять!

– Вот те крест! – неумело перекрестился мужчина. – Честное слово!.. Бес попутал... Выпили мы с Васькой малость, а потом я вспомнил... что баба моя велела мне огурцов купить. Днем еще... Ну, Васька и предложил... Я в люк полез... а тут... Ну и загремел! Целый час выбирался. В западне мы, товарищ капитан...

– Не капитан я – лейтенант, – поправил Зворов. – Васька-то где? Вы ведь вдвоем были?

– Вдвоем, – закивал мужчина. – Вдвоем... Когда я в эту преисподнюю сверзся, Васька за веревкой рванул.

– Врешь ты все, – усмехнулся Зворов.

– Хотите верьте, хотите... Но только я вам так скажу – Клавка моя – зверь, а не баба! Я ее пуще милиции боюсь. Прибил бы, ей-богу! Ведь велела же... насчет огурцов. А

где я ночью-то возьму?.. Хотите казните, хотите... Я ведь и украсть-то ничего не успел.

– В отделе разберемся, – пообещал Зворов.

Глядя через ветровое стекло на освещенную фонарями дорогу, Зворов вдруг почувствовал, что какое-то успокоение возвращается к нему.

«Вот ведь как бывает, – подумал он, – человек из-за этих самых проклятых огурцов, пропади они пропадом, ночью в магазин полез! А я...»

Зворов махнул рукой н, закрыв глаза, устало откинулся на спинку сидения.

ДЖОН КРИСТОФЕР РАВНОСИЛЬНО СМЕРТИ

ОЖИДАЯ спасения, он коротал время в центральном салоне отдыха. Здесь плавало больше дюжины тел, но два из них особенно привлекли его внимание, пока он в космическом костюме с магнитными башмаками мерил каюту шагами. Он не мог не смотреть на их лица: они были раздутыми, перекошенными и безобразными. На этих лицах запечатлелись несомненные признаки удушья, а на женском лице, как показалось ему, можно было прочесть что-то еще. Нетрудно было сказать, что с ними произошло. Мужчина плавал лицом вниз, а женщина – на спине, ее руки в мольбе вскинута к покатуому потолку.

Как только случилась катастрофа, он разбил колпак радиоавтомата и послал сигнал бедствия: теперь, слышав, как монотонно стучит якорь по обшивке корабля, поднялся и пошел к входу. Он ждал до тех пор, пока дверь не распахнулась, и группа спасателей не вошла внутрь. Слабо помахал им рукой. Несколькими минутами позже он сидел в патрульном корабле «Поллакет», где ему помогли выбраться из скафандра. Сразу же потерял сознание. Его привели в чувство лишь с помощью бренди.

Капитан «Поллакета» Стюарт был хрупким светловолосым человеком с тонкими, неприятными чертами лица. Когда Логан окончательно пришел в себя, он обнаружит, что находится в капитанской каюте, не очень-то уютной даже для патрульного корабля второго класса. Стюарт расположился в кресле перед безобразным, но аккуратно прибранным столом. Лицом к нему, на повидавшем виды кресле с поролоновой прокладкой, сидел Логан. Стюарт извинился:

– Гости у нас бывают нечасто, и они никогда не остаются надолго. Должно быть, не слишком приятный для вас визит, а?

Логан кивнул.

– Да, не слишком.

– Мне не хотелось бы причинять вам неудобства, но боюсь, что придется задать вам несколько вопросов. Вы же знаете порядок – я должен составить официальное сообщение.

– Да, конечно. Теперь мне чуть-чуть получше.

– Мы держим отличное бренди, – сказал Стюарт. – Начнем сначала, мистер Логан. Вы путешествовали один?

Логан чуть помедлил с ответом.

– Нет, со своей женой.

– Извините меня. Не могли бы вы рассказать мне, что именно случилось?

– Ведь вам известны обычные правила безопасности? – спросил Логан. – После отлета с Земли для всех пассажиров в первую очередь проводят учения на случай аварии. Нужно было надеть скафандр, а я не мог сделать это со всеми вместе. У меня была мигрень. Она началась в момент старта и на пару дней выбила меня из колеи. Пришлось обучаться самому. Я взял скафандр и вернулся в свою кабину, чтобы надеть его. Знаете, находясь в таком костюме среди нормально одетых людей, чувствуешь себя дурак-дураком.

Стюарт кивнул. Он то стискивал, то неторопливо потирал руки.

– Внезапно погас свет, но это не встревожило меня. Я уже бывал в космосе и догадался, что это падение мощности. Я знал, что через минуту-другую включат запасной генератор, и все-таки чувствовал, что заперт, заперт в темноте, в своей кабине. Ощупью выбрался в главный коридор. Я слышат человеческую речь, смех; где-то кричала женщина, но большая часть людей, казалось, понимала происходящее. Затем послышалось какое-то шипение, и голоса пропали. Просто будто кто-то повернул выключатель, и за одну секунду их не стало. Я пошел в центральный салон, где оставил жену, и при свете Земли, проникавшем сквозь прозрачные транспексовые окна, увидел плавающие тела. Все люди были мертвы.

Приглядевшись, я заметил, что транспекс разбит вдре-

безги. Я сразу же включил радиоавтомат тревоги и бросился посмотреть, не остался ли в живых кто-нибудь из членов экипажа... Но на всем корабле не было не единой живой души. Я вернулся в центральный салон и там нашел метеорит. Он пробил один из поролоновых диванов. Повсюду валялись осколки транспекса.

Тогда я сел и стал ждать. Наверное, прошло много времени. Очень много.

– Да, – сказал Стюарт, – можно себе представить. Значит, по-вашему, картина ясна? Что-то вывело из строя главные генераторы и, конечно, противометеоритную защиту. И по чистой случайности, в ту минуту, когда запасные генераторы еще не включились, метеорит пробил транспексовое окно в центральном салоне. Воздух из салона мгновенно улетучился. Вы спаслись только потому, что на вас в это время был скафандр. Я правильно понял?

– Да, – сказал Логан. – Так все и было.

– Вы разбили колпак радиоавтомата сразу же, как только представили себе, что произошло?

– Конечно.

За спиной Стюарта виднелся плакат, извещающий о том, что курение от момента старта и до посадки строго воспрещается. Стюарт порылся в столе и извлек потрепанный ящик для сигар. Он предложил их Логану, но тот покачал головой:

– Я не курю.

Стюарт взял одну сигару, раскурил ее...

– Чем вы занимаетесь, мистер Логан? – спросил он.

– Моя профессия? Инженер на одной из космических станций. Экватор Третий.

– А эта поездка? Отпуск?

– Да.

– На Марс? Я думал, что народ с космических стан-
ции приводит свой отпуск только на Земле.

– В общем, верно. Но на этот раз... моя жена захотела перемен.

– Вы давно женаты?

Лоран взглянул на капитана.

– Я полагал, что вы будете писать в своем донесении только о необходимом, капитан Стюарт. Вы не забыли, что тело моей жены все еще плавает там, на «Астарте»? Я охотно помогу всем, чем только можно, но мне бы хотелось рассчитывать на известную тактичность с вашей стороны.

– Когда мы окажемся в Дейройте, вы сможете подать официальную жалобу, – сказал Стюарт. – А до тех пор я буду задавать вам необходимые вопросы. Как давно вы женаты?

Лоран поджал губы:

– Пять лет.

– Работники космических станций каждый четвертый месяц – в отпуске. Верно?

– Да.

– Их жены три месяца из четырех предоставлены самим себе. Некоторые из них подчас пытаются воспользоваться этим. Такое случилось и с миссис Логан?

– Командир патрульного корабля имеет широкие права и допрос входит в его обязанности, – ответил Логан. – Но вы уже переходите все границы. Не понимаю, зачем мне с вами канителиться. – Он поднялся с поролонового кресла. – Прошу прощения.

Стюарт выпустил дым.

– Не трогайтесь с места, Логан. Я собираюсь вас арестовать. Как только я вас арестую, мне больше не придется задавать вам вопросы. А я хочу найти оправдание тому, что вы сделали. На Земле вас, конечно, будут судить, но до нее еще пять дней пути, В эти пять дней я отвечаю за вас.

ЛОГАН заговорил холодным, ровным тоном:

– Вы собираетесь меня арестовать? В чем же меня обвиняют?

– Вам предъявляют много обвинений. Точнее, семьдесят восемь обвинений в убийстве.

– Вы сошли с ума.

– Замысел был хорош, Логан. По крайней мере, все было тщательно спланировано. На космической станции нетрудно достать метеорит подходящего размера. Он был спрятан в вашем чемодане вместе с мелкими осколками транспекса. Вы хитростью избежали космических учений, сославшись на мигрень, и под этим предлогом в нужное время взяли скафандр в свою кабину. Отослав жену в центральный салон, вы в это время подложили взрывчатку под транспексовое окно. Я пока еще не знаю, как вы это устроили. Возле иллюминаторов на пассажирских ракетах всегда дьявольский беспорядок.

Затем вы вернулись в свою каюту и, надев скафандр, ждали до тех пор, пока не прогремел взрыв. Тогда вы прошли в энергетический отсек и выключили главные генераторы, чтобы создалось впечатление, будто защитный экран пробит метеоритом. Включив автоматический сиг-

нал бедствия, вы разбросали осколки транспекса по салону и спрятали метеорит в диване. Для одного этого вы должны были сделать массу вычислений – траектории и прочее.

ДОЛЖНО быть, ваша работа развивает воображение, капитан. Но не в очень приятном направлении, – холодно сказал Логан.

– Ваша беда в том, что вас слишком поглотила забота о собственной шкуре, – ответил Стюарт. – Чтобы застраховаться от всяких неожиданностей, вы влезли в свой скафандр задолго до взрыва, может быть, за десять минут. Перед тем, как подать сигнал бедствия, вы занялись главными генераторами и потеряли много времени. Сигнал был подан в 5.07. Мы подобрали вас в 10.59 – я внес эти данные в бортовой журнал. Я и еще кое-что записал. Каждый кислородный баллон скафандра рассчитан ровно на один час. Если вы действительно надели костюм случайно и в это время произошел взрыв, вы должны были использовать около шести баллонов. Но вы использовали не шесть, а все семь!

Логан улыбнулся.

– И это все?! Верно – я ввел вас в заблуждение насчет того, сколько времени прошло от того момента, когда я надел костюм, и до того, когда метеорит попал в корабль. Может, что продолжалось около четверти часа. Я страшно люблю дышать кислородом: привык к этому на станции.

Стюарт взглянул на него.

– А вы быстро соображаете, правда? Но на этот раз попали впросак. Это только подтверждает мои подозре-

ния: я предвидел такую ситуацию и запасся доказательствами. Перед тем как убрать «Астарту», я попросил ребят осмотреть разбитое окно с внешней стороны. Большую часть осколков, конечно, выбросило взрывом прочь, но все же кое-что они нашли. – Он выдвинул ящик стола и достал разбитые куски транспекса. – Этого достаточно для того, чтобы убедиться – случилось не столкновение, а взрыв.

Логан взглянул на осколок транспекса.

– Она была потаскухой, – сказал он. – Хотела провести отпуск на Марсе, потому что он был там. Не могла прожить без него даже этот месяц. Мне удалось узнать, что он решил попутешествовать вместе с вами на «Астарте». Жена не знала, что мне все известно. Это был единственный шанс отомстить им обоим вместе! И я отомстил.

СРЕДИ присяжных заседателей возвышался судья-робот. Сразу же после вердикта Логана отправили обратно в камеру, где он сидел, глядя на пустую стену, и выслушал приговор. – его произнес резкий механический голос, который исходил из небольшого черного ящика, установленного в центре потолка.

Голос сказал: «Эмиль Логан, вы признаны виновным в совершении преднамеренного убийства. Самая суровая мера наказания за подобное преступление может быть слишком мягкой. Из ревности вы решили убить, свою жену и ее любовника и в погоне за этим, не колеблясь, уничтожили семьдесят шесть других жизней. Вы совершили эти убийства только для того, чтобы скрыть следы своего преступления.

Смертная казнь была отменена в двадцатом веке. Но убийства по-прежнему имели место, и убийц заключали на долгие сроки в тюрьму, где они в поте лица работали на благо общества. Такое положение вещей было неудовлетворительным, и люди искали возможности его исправить. В конце концов нашли выход из положения, открыв возможность путешествовать сквозь время».

СЛОВА безжалостно грохотали в его ушах. В них не было ничего нового для него, эта запись была стопятидесятилетней давности, и автоматы включали ее для каждого преступника, которому приговором предписывалась высылка в другое время.

«Послать человека можно только в прошлое, потому что возвращение из прошлого в настоящее означает путешествие в будущее. Поэтому путешествие во времени представляет ценность для человечества только в одном аспекте. Оно дает возможность освободить человечество от тех, кто оказался недостойным называться его членом».

Логан весь напрягся. Вступление должно скоро кончиться, а затем последует решение присяжных. Сейчас он узнает, что его ждет.

«Ясно, что эта форма наказания не является неизменной. В истории есть периоды, довольно благоприятные для высылаемых преступников. Такие мирные времена, как, например, Римская империя в эпоху господства Антонинов, создают современному человеку все возможности для процветания, как только он приспособится к окружающим условиям. В эти периоды отправляют отщепенцев, которые не очень провинились или у которых

есть смягчающие вину обстоятельства...

Эпоха должна соответствовать совершенному преступлению. Это разумно, так и должно быть!»

ГОЛОС умолк. Терпение у Логана истощалось. Что его ждет?

«Эмиль Логан, – продолжал голос, переключившись со стандартной записи на робота-судью, – ваше преступление так чудовищно, что подобные ему мы почти не находим в наших записях. Насколько мы можем судить, для вас выбрана соответствующая кара. Вам не собираются сообщать заранее о точке назначения во времени и пространстве, которая была выбрана для вас».

Не в силах сдержать себя, Логан крикнул:

– Но почему? Почему вы мне ничего не говорите?..

«С этого момента, – продолжал робот, – вы изгоняетесь из нашего века. Вы больше не увидите своих современников. Вскоре камера, как обычно, наполнится особым газом, и вы уснете. Вам будет сделано специальное гипновнушение, чтобы вы никому не рассказали, откуда вы прибыли.

Вы будете одеты в соответствии с тамошней модой и получите некоторое количество мелочей, которые, по видимому, вам пригодятся. В случае необходимости вам будет внушено посредством гипноза знание языка, которым вам придется пользоваться. Затем вас поместят в машину времени и отправят. Очнувшись, вы окажетесь в прошлом, но ваша нынешняя память сохранится. Когда вы поймете, в какое время и место попали, ваше знание истории подскажет, чего вам ожидать...

Эмиль Логан, вы изгнаны из двадцать второго века. Сейчас вы уснете».

Все еще глядя вверх, он услышал слабое шипение – это газ проникал через входные клапаны камеры.

ЛЮДИ. Они окружали его, человеческую песчинку, сплошной единой массой, которая несла его вместе со всеми. Туннель. Лестницы, ведущие вверх. Ему в лицо пахло запахом разгоряченных потных человеческих тел. Он был одет в странную одежду из грубой ткани, а вместо привычных контактных линз на носу были прилажены два стекла, вставленные в оправу.

Лестница привела его к чему-то вроде открытого зала. Улица, невероятно скученное движение. Слева он заметил киоск, торгующий газетами и журналами. Он пробился к нему сквозь толпу. Пошарив в кармане, обнаружил мелочь, протянул руку через прилавок и взял газету. Когда он взглянул на нее, руки у него задрожали.

Это была «Нью-Йорк Геральд Трибюн». Середины XX века.

Люди стали оглядываться на него, когда он начал вопить.

БОРИС ГУРЕВИЧ ПОМОЩНИК

СТАРЫЙ робот Джим стоял по колено в желтой глине и мерными движениями выбрасывал ее на берег ручья. Хозяин его – человек, которого звали Мажор, лежал неподалеку на песке, лениво поводя стволом анализатора – влево-вправо-вверх-вниз. Он искал золото. Иногда он подавал роботу знак остановиться.

Вставал и шел к куче глины, рылся в ней, вылавливая грязную крупинку, обмывал в воде и клал в сумку на поясе.

– Стоп, Джим, – наконец сказал Мажор. – Обед.

Робот застыл в полусогнутом положении, затем медленно выпрямился.

– Побудешь здесь, – Мажор поднялся, отряхнул комбинезон. – Тебе что-нибудь принести с корабля?

– Нет, хозяин, – сказал робот.

Он вышел из ручья, сел и подставил бледному зеленому солнцу мокрые, вымазанные глиной ноги.

Мажор зашагал прочь. Но через несколько шагов обернулся и крикнул:

– Если появится мясо, вызовешь!

– Да, хозяин.

ОН знал, что Мажор вернется через два часа, не раньше, от него будет пахнуть чесноком и луком, они немного поработают, и Мажор уснет, разморенный обедом и бездельем... А впрочем, Мажор

может себе позволить спать, он набирает уже пятую сумку золота. Мажору везет. Не то что другим. У них по две, по три сумки, да и те маленькие. Еще у Мажора четыре шкуры скина и двадцать одна шкурка восьмирога. У других тоже есть шкуры, но опять-таки меньше. На Земле за шкуру скина можно купить хорошего нового робота. Беда лишь что скины редкие звери, не то что восьмироги. Хотя и у восьмирога вкусное мясо. Он, робот Джим, должен вызвать по радио Мажора, если поблизости появится «мясо», то есть скин или восьмирог. Мясо – в желудки, шкуры – в багажник.

Прошел час. Безымянный спутник планеты напoлз на зеленое солнце, заметно потемнело вокруг. Робот невозмутимо ждал хозяина, скоро затмение кончится, и хозяин придет...

РОБОТ Джим смотрел прямо перед собой и внимательно вслушивался в тишину вокруг. На время затмения – время обеда – он охраняет участок, хозяин – он, и если появится скин или восьмирог, они не уйдут незамеченными.

И робот услышал шорох.

Он медленно, осторожно повернулся, рука потянулась к рации – и остановилась. Позади стоял скин. Тот самый скин, который приходил вчера. Старый знакомый.

Вчера, в первый раз, что-то удержало робота – он не вызвал Мажора. Что удержало – он не понял, но скин, очевидно, понял, потому что пришел опять.

– Ну, что ты пришел сегодня? Уже поздно, скоро придет хозяин и убьет тебя, – сказал робот.

Скин подобрался вплотную, обнюхал колени и просу-нул треугольную голову под ладонь. Так было и вчера.

Робот погладил скина, как вчера, снова вспоминая, как очень давно на Земле гладил кошку, и от ее шкуры ладонь приятно покалывали искры.

Все-таки, что же ему помешало вчера вызвать хозяина? Скин красивый. Он добрый. Он хороший. Но ведь робот всегда должен быть послушным...

Робот гладил скина. Оба молчали. Робот – потому, что знал, что скин его не поймет, а скин – потому, наверное, что не умел говорить. Так прошел еще час, но робот этого не заметил, он забыл о времени. И только когда за спиной зашелестел песок под ботинками Мажора, он встрепенулся и тычком отбросил скина. Поздно.

– Скин!!! – заорал сзади Мажор. – Держи его, Джим! Держи, ради всего святого, держи его!

СКИН одним прыжком перемахнул ручей и бросился по низкой коричневой траве прочь. Робот оглянулся. Мажор, тяжело дыша от возбуждения, вставлял в ракетницу запал.

– Чего встал? Беги за ним!

Робот перешел вброд ручей, выбрался на откос и затрусил в ту сторону, куда побежал скин. Красная ракета, шипя, взлетела вверх, и робот увидел, как справа и слева, побросав работу, бегут от ручья еще четыре фигуры – два человека и два робота.

«Джим торопиться не будет».

Эта мысль возникла у него неожиданно, и это было удивительно. Странно, непонятно... Откуда эта мысль?

Отчего она? Ведь хозяин приказал. Уже во второй раз он не хочет подчиняться. Первый – еще вчера, когда скин появился и постепенно подходил все ближе и ближе, пока не позволил себя гладить. Второй раз – сейчас.

– Быстрее, Джим, быстрее! Мы, мы должны его взять!

Мажор, сопя, большими скачками обогнал робота, на руке его болтался карабин.

– Быстрее, не отставай! Или я тебя сломаю! – Мажора уже не было видно за кустами, голос звучал глухо и яростно.

В ПЕРЕДИ затрещали выстрелы. Робот ускорил бег. Почему-то вдруг он решил, что должен увидеть, как убьют скина. Что будет потом, как Мажор или другой человек, или робот будут снимать шкуру и рубить на куски мясо, – это он не хотел видеть... Только как убьют, как скин упадет, перевернувшись через голову... Только это. Робот побежал еще быстрее.

Шпиль корабля остался далеко позади, на фоне неба блестела лишь тонкая игла. Иногда робот оглядывался, не понимая, почему не видно шлюпки, потом он увидел ее – стремительную черную каплю, – она настигла его и обогнала, подминая воздушной подушкой кусты и траву.

Впереди все еще стреляли. Не могут попасть, подумал робот. По звуку он определил, что скин все время забирал влево и, чтобы сократить путь, решил срезать круг, а не бежать по следам.

Выстрелы неожиданно смолкли. Пробежав по инерции несколько шагов, робот остановился, прислушиваясь. Тихо. Слышен был только свист шлюпки.

Медленно робот вернулся к следам скина и людей и двинулся ровной поступью. Убили, подумал он.

Группа оказалась неожиданно близко. Рядом на земле сидели люди, поодаль стояли роботы.

– Почему ты отстал, Джим? – грозно спросил Мажор.
– С тобой мы бы его окружили. Почему ты отстал?

– Джим – старый робот, хозяин, – сказал робот. – Ему трудно бегать.

Мажор искоса взглянул на остальных людей.

– Мне плевать, что ты не можешь бегать! Ты должен бегать! Вон с моих глаз! На корабль!

Робот повернулся.

– Нет, не на корабль! На участок!

ЗНАЧИТ, не убили. Скин удрал, подумал робот и обернулся. Охотников уже не было видно за кустами, лишь в стороне утюжила равнину шлюпка. Робот зашагал вперед. Через десять минут он достиг своего участка.

Скин сидел на куче глины, весь перемазанный, голубой мех покрывала короста засохшей грязи... Робот оставился.

– Уходи отсюда, – сказал он. – Сейчас придет хозяин и убьет тебя.

Скин медленно сполз с кучи, подошел к роботу.

Шелест знакомых шагов послышался за спиной – робот оглянулся, затем вдруг наклонился и взял скина на руки.

– Хозяин, – позвал он.

– Давай работать, болван, – отозвался Мажор, спрыги-

вая в ручей и закидывая на плечо карабин.

– Хозяин, у Джима есть скин, – сказал робот.

– Давай сюда!

– Не надо его убивать, хозяин, – робот вытянул перед собой руки. – Скин пришел сам.

СКИН лежал в руках неподвижно, только вздрогнул, когда Мажор приставил к его голове карабин.

Постояв немного молча, Мажор свободной рукой достал из кармана складную сеть, расправил.

– Суй сюда, – приказал он.

Робот разжал ладони, и скин упал в сеть, не сделав ни малейшей попытки освободиться. Человек и робот молчали.

– И дальше что? – спросил Мажор, но как бы в воздух.

– Хозяин отвезет скина на Землю и продаст его в зоопарк, – сказал робот. – Скин будет живой.

– И всю дорогу его кормить неизвестно чем, да еще убирать за ним?! Черта с два!

– Джим будет, – сказал робот.

Мажор покосился на робота. Потом включил рацию и приладил наушники.

– Эдвард, насколько дороже живой скин относительно шкуры? – спросил он в микрофон, разглядывая исподлобья робота и лежащую рядом с ним сеть со скином.

– Понятно, – сказал он, выслушав ответ и выключив рацию. – Спасибо, мой старый Джим. Но живой скин стоит меньше, дешевле собственной шкуры. Ты понял?

Мажор поднял сеть и протянул роботу.

– Вынь его.

Скин по прежнему неподвижно лежал в сети, из ячеек торчали лапы. Робот достал скина, положил на землю, свернул сеть и отступил на шаг.

– Теперь иди и принеси топор для мяса и нож для шкуры, быстрее, – приказал Мажор.

Робот наклонил голову и медленно пошел к контейнеру со снаряжением. Скин сейчас умрет, подумал он и заторопился, чтобы успеть прийти с ножом и топором и увидеть... Почему-то ему опять казалось, что он должен быть рядом, когда скин умрет.

Выстрел раздался, когда робот запирает на контейнере замки. Он резко повернулся, схватил топор и нож и побежал к Мажору, перезаряжавшему карабин.

Вдруг он споткнулся, тело вынесло вперед инерцией, ноги не успели скомпенсировать потерю равновесия, и робот упал, взбороздив влажный песок.

– Болван, – сказал Мажор умиротворенно, почти ласково.

Александр Чушиков
ПРОЕЗДОМ
В ВЕЧНОСТЬ

ЖЕНА периодически принимается ругаться.
– Это не дом, это какой-то проходной двор! – кричит она как можно громче.

Я помалкиваю.

– Ну за что только мне такое наказание! – выводит она колоратурным сопрано.

«За грехи твои тяжкие», – отвечаю ей про себя.

– Вы только поглядите на этого ирода, люди добрые!

«Интересно, откуда современные бабы такие слова берут?» А вслух говорю самое веское, что могу сказать:

– Алкашей не вожу, с интердевочками не знаюсь.

И фонтан иссякает. Он еще некоторое время бурлит и клокочет, но уже как бы внутренне. И вот журчит неназойливо ласковый прозрачный ручеек...

Дело в следующем. Город у нас маленький, гостиницы нет, а меня все знают, домина у меня – ого. Вот и останавливаются всякие путешественники. Разве откажешь? Как-то утром слышу за окном шум, выглядываю. Батюшки-светы! Караван бедуинов у ворот расположился. Пыль до неба, погонщики снуют, верблюды орут. Одеваюсь, выхожу, кланяюсь по восточному обычаю.

– Мир вам, правоверные, – говорю бедуинам, – да продлит аллах ваши дни!

– Мир, мир, – отвечают мусульмане, – ты, Африкан, сбегай-ка в слесарку, скажи чтобы колонку починили, верблюдов поить нечем, а нам еще девять дней по пескам идти.

И хотя сам-то я уж месяц бегаю за водой на другую улицу, но тут никуда не денешься, беру газовый ключ, открываю чугунную крышку, лезу. Разве слесари поторопятся?

Вечером бедуины жгут костры до неба, поют свои заунывные бедуинские песни. Мы с женой, где слова знаем, подтягиваем.

– Неудобно, – шепчет она и толкает в бок, – зови кочевников в дом, сегодня двенадцатая серия, им, небось, тоже интересно, что там дальше будет.

«Вот так всегда, – рассуждаю по обыкновению молча, – завтра я один буду виноват, что эти кочевники палас истоптали. А их ведь не заставишь разуться, они и так босиком».

Вслух же говорю:

– Попрошу в дом, уважаемые, двенадцатая серия начинается!

А после фильма объявляют вдруг внеочередной выпуск «Клуба бедуинов». И рассказывают про Аравийский полуостров. Так что в этот вечер правоверные словно дома побывали. После передачи у многих в глазах слезы. И жмут мне растроганно руки. Будто я телевидением командую. Чудаки.

УТРОМ караван уходит. Мы стоим на крыльце, провожаем дорогих гостей. Просим не забывать, писать письма. Жена долго-долго машет вслед каравану. И глаза у нее блестят.

А потом она растерянно оглядывает наше перевернутое вверх дном жилище и начинает кричать как можно громче:

– Это не дом, это проходной двор!

И так далее.

Под вечер залетают во двор семеро ангелов. Усталые, потрепанные, голодные. Говорят, что гроза где-то прихватила.

– Ну, что ж, ребята, располагайтесь, отдохайте, – приглашаю привычно.

Жена засуетилась, чаю согрела, суп с мясом налила. Второе – тоже с мясом. В общем, что было, то и поставила. «Яичек, – шепчет – еще набыю с салом, если не хватит». Водки маленько было – тоже на стол.

А гости скоромное не едят. Глаза, замечая, заблестели при виде мяса да выпивки, а боятся.

– Нам бы калачей да квасу, – тоскливо попросил один.

– Чего нет, того нет, – отвечаю, – да вы не бойтесь, ребята, никто ведь не узнает.

– Бог все видит, – вздыхают ангелы.

– А вот у меня в армии помкомвзвода был такой вредный, просто сохрани и помилуй, а и то в положение входил. Делал скидку, если причина уважительная... – привожу пример, подходящий к случаю.

– Со стихией боролись, чуть не пропали, можно сказать... – вставляла моя.

Подействовало. Вот что значит своевременно приведенный пример из чужого жизненного опыта. Посовещались маленько, принялись за еду. Да так бойко! Выпили, опьянели с непривычки. Псалмы давай петь.

– Неправильно живешь, Африкан, – говорит один плюгавенький, – бога забыл, грешишь много. Гореть тебе в геенне огненной!

Пугает, в общем. В моем же доме. Ага. Ну, известное дело, выпивши. Я не обижаюсь, вхожу в положение.

– Атеист я, дедушка, – отвечаю, – стало быть, не по вашему департаменту прохожу.

Тут на него и товарищи зашикали, чего, мол, ты офонарел, что ли, человек тебя в дом пустил, отогрел.

Жена постелила ангелам на полу, а они не ложатся.

«Не можем, – говорят, – лежать спать, крылья помнутся. Нам бы насестик какой-нито». Повел их в сарай, где когда-то куры жили, да разве жердочка их выдержит. Хоть и ангелы, а ничего, крепкие. Пришлось бревно прилаживать. Пока возился, спать осталось совсем ничего.

УТРОМ чуть свет и улетели. Натощак. Только воды с полведра выпили, и весь дом в пуху. У них, видать, как раз период линьки был. Потому и гроза так потрепала, когда линька идет, аэродинамика ухудшается. И я опять после гостей все пылесосую и вытряхиваю, а жена кричит как можно громче:

– Это не дом, это какой-то проходной двор!

Но я же понимаю, что не со зла она,

Соседи нам завидуют лютой завистью. Еще бы! У них кто-нибудь в Африку на два года уедет, так они все два года важные ходят. У них если какой-нибудь сильно отдаленный родственник в столице инструктором служит, так к ним на бритой козе не подъедешь.

Зато у нас друзья со всей Вселенной. У нас подушки ангельским пухом набиты. Нам правоверные верблюжонка подарили, он у нас теперь вместо болонки живет. Большой стал. Через улицу до соседа напротив запросто доплевывает...

Потом приносят телеграмму. Расписываюсь, читаю. «Очередной шабаш ведьм решено провести в вашем городе тчк обеспечьте встречу тчк бабушка ваша яга тчк».

Готовимся. Зелья варим, живую и мертвую воду гоним по известным рецептам. Дым коромыслом. На воротах сам собой транспарант появился: «Пламенный привет делегатам!»

Начали делегаты, точнее, делегатки собираться. Все в ступах. Одна пехом пришла. Соседка, продавщица из «Кооператора». Хотел не пускать – мандат предъявила. Чин-чинарем. Гляжу – ведьмы все молодые, красивые, породистые, старух почти не видать. Современная нечисть – все в шортах, ступы под иномарки закамуфлированы, редко-редко мелькнет «Таврия».

В ОБЩЕМ, целую неделю бодяга тянулась. Вопросы решали, в основном, иррациональные, не нашего ума. Но и нормальные тоже. Организационные, например. Наконец, разлетелись по своим первичным организациям.

Ну, думали, отдохнем. Вымыли пол, окурки всех мыслимых сортов и цветов вымели. День ли, два ли проходит. Снова – здорово.

Вечером включаю динамик и слышу:

- Планета Альфа-Омега вызывает на связь Африкана!
- У аппарата, – докладываю как положено.
- Будем у вас тридцать второго по пути к «черной дыре». Просим принять на кратковременный отдых.
- Давайте, прилетайте, – отвечаю.
- Милости просим, гостям всегда рады, – встречает моя. Она, оказывается, весь разговор слышала.

Теперь инопланетян ждем. Огород пришлось забетонировать. Жена избу прихорашивает, жарит-парит-коптит, зафуговывает.

– Эх, ты, – говорю, – темнота! Может, зря и хлопочешь. Может, у них и обмен веществ совсем не такой. Может, они вообще неорганические.

Да разве ее убедишь!

– А это их дело, – отвечает невозмутимо, – а мне главное, чтобы стол не пустовал...

Я помалкиваю,

– Ну за что мне такое наказание! Вот-вот инопланетяне прилетят, а он и не чешется! Осрамимся перед гуманоидами! – выводит она колоратурным сопрано.

Вот так и живем, Встречаем-проводим. Но нет-нет да и мелькнет мыслишка: «А не наладить ли нам куда-нибудь?!» Мелькнет и исчезнет. Нельзя. Кто-то должен уметь слушать других с открытым ртом, охать да ахать, иначе вообще все путешествия, все неведомые планеты и острова потеряют смысл...

● ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Экспорт верблюдов из Австралии

Когда-то, во времена золотой лихорадки, в Австралию (да, и этот континент не избежал золотого бума) из Афганистана завезли верблюдов. А в наши дни примерно 100 тысяч диких верблюдов, потомков завезенных родителей, бродят по бескрайним просторам континента. Они выносливы, неприхотливы в еде, не страдают от жажды, мало болеют и поэтому высоко ценятся на рынках Саудовской Аравии, где их покупают любители верблюжьих гонок. Большим спросом пользуются эти животные и в зоопарках многих стран. Конечно, они не так симпатичны, как козлы, не так забавны, как кенгуру, но этого от них никто и не требует. А поскольку австралийские верблюды не

относятся к местным видам, на вывоз которых требуется специальное разрешение, то частные предприниматели с успехом поставляют их на международный рынок.

ТАК *Александр Чуманов* ПОЛУЧИЛОСЬ

В ГОРОДЕ Спиринске жил мужик по имени Вася Бураков. Но это только так считается, что в городе. О том, что Спиринск – город, может, только одни спиричане и знали. Да еще те, кто имеет дело со всякими документами, кому по роду службы знать полагается. А так жители окрестных населенных пунктов считали, что Спиринск – поселок.

Таким уж сложилось административное положение Спиринска, как города районного подчинения. Еще кажется, совсем недавно был он родным братом райцентра, а теперь их даже сравнивать не приходилось. За две последние пятилетки райцентр захапал себе львиную долю капвложений и раздался теперь вширь и ввысь, став самым настоящим городом. А захолустный Спиринск так и остался захолустным, бестолково разбежавшимся по невысоким лысым холмам вдоль непригодной для дач загаженной еще в пору индустриализации речки...

Вдали от гиганта индустрии и процветающих сельхозпредприятий, согласитесь, довольно трудно выйти в

герои труда. Даже если очень всерьез, начиная с раннего детства, стараться с прицелом именно на это высокое звание. А Вася Бураков и не старался, он легко менял как предприятия, так и профессии: был строителем, стропа-лем, бетонщиком, плотником, чистильщиком-точильщиком, слесарем и еще не упомянуть кем. Он справлял свои нехитрые должности на совесть, однако совсем без огонька, старательно, но не творчески. А потому никогда не конфликтовал с начальством и вообще ни врагов, ни друзей не имел. В своем профессиональном росте он выше четвертого разряда ни разу не пошел, но и ниже не опускался, он полагал, что, как труженик, заслуживает зарплаты около двухсот рублей в месяц, но не больше и не меньше. Если получалось получать больше, Василий пугался, что срежут расценки, и эти опасения частенько оправдывались. Но уже без него. Он к тому времени был в другом месте.

И ЖИТЬ бы Васе Буракову одним из незаметных простых тружеников, никто бы на него внимания не обратил, если бы не его редкое семейное положение отца-одиночки. Не сильно редкое, но для малого Спирина достаточно необычное, чтобы только одним этим выделяться среди окружающих.

А кроме того, родом Бураков был аж из самой Москвы. Там и до сих пор обретались его родители, солидные и представительные, оба кандидаты каких-то полезных наук. Вася был у них единственным балованным сынком, в детстве учился по спецшкалам для повышенно умных детей, после чего его отдали в университет. Словом, жить

бы ему и дальше по намеченному родителями перспективному плану, в котором его земной путь замышлялся без пересечений с путями неведомых в столице спиричан. Да что-то сделалось с парнем на двадцатом году, зауросил, бросил учебу, сам напросился в армию.

Родители потом до конца своих дней спорили, что это с сынком произошло, но так к единодушию и не пришли. А сын попал служить в какой-то Спириинск и там после службы женился на красивой девушке, которая, похоже, сильно мечтала о столь же красивой жизни.

В общем, Вася с молодой женой прожил совсем мало лет. То есть ровно столько, сколько необходимо для получения двух дочек-погодков Анки и Любки. Еще успели они перебраться из семейного общежития в старенький, но крепкий пятистенок на два окошка, купленный по случаю у одного старичка.

Молодая жена надеялась, что Васька со временем устанет выдрючиваться перед родителями и увезет ее в лучший из доступных населенных пунктов мира, туда, где один только штамп о постоянной прописке расценивается как нечто, не имеющее стоимости. Вроде шедевра эпохи Возрождения. Терпение кончилось, когда Васька привез ее после вторых родов в только что купленную избу. Она копила деньги на Москву, а он все их выложил за эту избу с обстановкой и дощатым нужником, да за погреб с картошкой, да за двухмесячного поросенка, да за дюжину гусят... Жена была начитанной, она написала Васе в прощальной записке слова поэта Рубцова: «Ты птица иного полета, куда мы с тобой полетим?»

Вася тоже был начитанным, правда, это почти не заме-

чалось, он тоже уважал поэта Рубцова. Прочитав записку, бедняга задумался о дальнейшей жизни, он даже хотел, как полагается, пуститься в длительный запой на почве отчаяния. И можно было надеяться, что общественность с пониманием отнесется к этому делу. Вася даже искал в комодке деньги на бутылку. Но денег не было, видно, начитанная прихватила в дорогу.

Это и остановило.

– Ишь ты, птица! – подумал Бураков вслух и сматерился, как умел. А умел пока слабовато, потому что начал обучаться сравнительно недавно.

И тут заплакала Любка. Анка подхватила инициативу. Вася ловко перепеленал младшую, дал соску, утихомирил. И обнаружил, что чистых пеленок почти не осталось, И пошел за водой.

ЧЕРЕЗ два месяца номинальная мать Васиных детей прислала о себе весть из денежных северных краев. Она не жаловалась и не каялась, тоски по детям, судя по письму, не испытывала. Она ругала Ваську за испорченную жизнь и поэта Рубцова к своим жизненным делам больше не привлекала.

«Мне надо встать на ноги, поэтому добровольной помощи от меня не жди, – писала она, – если тебе трудно, отдай девчонок в интернат, я потом их сама заберу. А если хочешь, если ты не мужик, можешь подавать на алименты».

Василий думал, что он вполне мужик, но на другой же день подал заявление в суд.

Соседи сердечно жалели Василия, но с любопытством ждали, когда его терпение иссякнет.

– Хоть бы самостоятельная какая попалась, да детишек жалела, – искренне вздыхали они.

Но прошел год-другой, а Вася терпел. И со стороны даже казалось, что был вполне счастлив. Уже выходили года, уже дети становились большими, а он, похоже, ничего не собирался менять в своей жизни. Он зарабатывал свои двести в месяц, одевал девчонок во все модное, а сам ходил зимой и летом в спецовке, которую выдавали на любой работе, ухаживал за скотиной, копался в огороде, любил побалакать с соседями в свободную минутку. Причем так выходило, что его собеседниками оказывались окрестные старушки, видевшие в нем родственную душу, что ли. Со временем Бураков даже перенял старушечьи манеры, их разговорные присловья, которыми с удовольствием щеголял, как первокурсник мединститута латынью. И однажды прицепилось к нему прозвище «Василиса». Прицепилось накрепко. Другой бы обижался смертельно, а Вася – нет.

– Василиса была премудрой и прекрасной, – говаривал он с улыбкой,

РУЧЕЕК алиментов то журчал, то капал редкими каплями. И однажды он пересох совсем, Вася огорчился, но не из-за денег, он подумал, может, с бывшей женой что случилось? Но пришло письмо, в котором была всего-навсего одна строчка: «Когда ты, кровопивец, перестанешь отравлять мне жизнь?!» И Василий забрал исполнительный лист. «Еще сделает с собой что-нибудь», – подумал он, испугавшись. А надо заметить, что за все это время, как бы ни было трудно, Василий не

потратил из алиментов ни копейки. Он сразу завел две сберкнижки, и потом, когда дочери одна за другой выходили замуж, отец вручал им эти книжки со словами: «Это не от меня, это от мамы, не обижайся на нее».

Но это потом. А пока девочки росли, они нередко здорово огорчали отца. Ему выговаривали, бывало, соседи и учителя, а он только кивал и обещал принять меры. Много раз сердечные спиричане пытались Буракова женить. Но он наотрез отказывался: «А что скажут дочки? Нет, неудобно, извините».

ДОВОЛЬНО часто в Спирииск наведывались московские бабушка с дедушкой. Они уже смирились с положением вещей, привыкли и даже маленько забыли, что Васька ихний сын, а не просто деревенский родственник. Вася укладывал им гостинцы: банки с вареньем и грибами, копченого гуся, окорок.

– Хочем в Москву! – канючили малограмотные Анка и Любка.

И Вася был не прочь, чтобы детишки проветрились, поглядели столицу нашей Родины, но приглашение в гости все не звучало и не звучало. Потом, став взрослей, девочки перестали проситься в Москву, они вообще перестали признавать ученых стариков, при встрече вдохновенно хамили и противно хохотали прокуренными головами.

Все удивлялись, почему у Василисы выросли такие неблагодарные дети. Никто не мог понять. Кроме педагогов. Вседозволенность, всепрощение, неумеренная отцовская любовь, отсутствие материнского влияния – вот чем

объясняли педагоги получившийся брак. Они, надо сказать, вообще мастера объяснять задним числом любые педагогические просчеты.

А Вася думал, что потом, много позже, когда его уже не будет на свете, когда дети станут совсем взрослыми, и даже отчасти старыми, они однажды увидят отца другими глазами, увидят как живого и поймут самое главное про него, такое, что дано понять далеко не всем...

Пришло время, и Бураков выдал дочерей замуж. Они уехали в другие города и словно в воду канули,

– В мать пошли, – рассудили спиричане.

– Жизнь такая, – возразил Василий.

Он успел только два раза получить пенсию, а уже пришлось предстать перед небесной комиссией. Там решался традиционный вопрос: «В Рай или в Ад?» Василий стоял перед комиссией голый, как допризывник, и робел.

– Святой, святой! – дружно закричали члены комиссии.

– Значит, в Рай! – решил председатель и уже хотел крикнуть: «Следующий!»

– Нельзя мне, атеист я, – встрял Василий.

– Удивил, – хмыкнул председатель, – сейчас все атеисты, дак что, Рай закрывать? А желающих, доложу я вам, молодой человек, предостаточно!

– Так, выходит, большинство где?

– Знамо дело, в Аду, где ж ему быть?

– Ну, тогда и меня туда, – сказал как отрезал Бураков. Напрасно его уговаривали, сулили перспективы, стращали адовым огнем и муками мученическими, Он настоял на своем.

ROMANIN GEMOUSOV
Д. ЖОЗЕФ БЕЛЛ
ПРИНИМАЕТ ОБЛИК
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ГОВОРЯТ, то, что может придумать жизнь, не в состоянии вообразить ни одна даже самая пылкая фантазия. Однако иная выдумка оказывается долговечнее правды. Таков Шерлок Холмс – сыщик, созданный в конце прошлого века воображением писателя Конан Дойла. Однако попробуйте доказать, что Шерлок Холмс – вымышленный образ. В ответ поклонники Холмса приведут столько аргументов, что невольно встанешь в тупик. И действительно, возможно ли, чтобы о литературном герое появились, скажем, такие исследования, как «Частная жизнь Шерлока Холмса», «Шерлок Холмс и музыка» или «Шерлок Холмс и химия»? Разве есть музеи, посвященные книжным героям? А между тем в одном только в Лондоне существует несколько таких мемориальных комнат-музеев, где вам вполне серьезно будут доказывать, что здесь обитал прославленный сыщик.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ квартала Бейкерлоо несколько не удивится вашим словам: «Где находится дом Шерлока Холмса?». Он привык к подобным вопросам – множество людей отправляется на поиски знаменитого детектива. Но когда вы окажетесь на Бейкер-стрит, ваше положение несколько осложнится. Кирпичные дома, как один, похожи друг на друга. На помощь их жильцов не очень-то рассчитывайте. Все они решительно станут утверждать, что именно в их доме Шерлок Холмс открыл свою контору. Если же обратиться к швейцару дома № 2216, то он вполне авторитетно заявит, что именно в этом доме протекала деятельность детектива. А вот и доказательство: в 1954 году здесь была восстановлена квартира двух приятелей и на стене дома укреплена мемориальная доска, которая подтверждает, что здесь с 1831 по 1903 год жил и работал знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс.

СЕМНАДЦАТЬ ступенек (подтверждение того, что Шерлок Холмс жил здесь; однажды он поставил в тупик Ватсона, задав ему вопрос о количестве ступенек в доме; по его подсчетам, их было семнадцать) пройдены, и вы в кабинете господина Холмса и его друга доктора Ватсона. Представим себе, что на дворе зима, за окнами навис густой лондонский туман, едва пробиваемый газовыми фонарями. Доносится гул Сити, цокот копыт лошади проезжающего мимо кабриолета, крики разносчика, звуки шарманки – словом, шум, характерный для английской столицы конца прошлого столетия (сегодня этот шум воспроизводится с помощью магнито-

фона). Пять часов дня – время обычного чаепития – традиции столь же древней, как и сама Англия. Видимо, этим как раз и были заняты хозяева накануне нашего прихода. Об этом говорят чашки с недопитым чаем на столе, сахарница, молочник. Тут же на столе – отмычки, две револьверные пули. Словом, тот беспорядок, который всегда вызывал неудовольствие у доктора Ватсона. По всему, однако, видно, что Шерлок Холмс и его друг вынуждены были в спешке покинуть свою квартиру. Причем настолько быстро, что аккуратист Ватсон даже забыл положить свой стетоскоп в самшитовый футляр, тот самый, из-за которого шляпа доктора всегда торчала горбом (в те времена врачи косили свои стетоскопы под головным убором). Воспользовавшись отсутствием хозяев, продолжим осмотр.

Тысяча и один предмет загромождает комнату. Всюду – в каждом углу и уголке можно обнаружить вещи, которые напомнят внимательным читателям о приключениях, пережитых знаменитым детективом.

На великолепном викторианском камине среди трубок, кисетов с табаком, перочинных ножичков, луп и наручников можно увидеть небольшую, безобидную на вид коробочку из слоновой кости. Однако именно она чуть было не убила Шерлока Холмса, о чем рассказано в «Умирающем детективе». В коробочке находилась иголка с ядом, которая выскакивала оттуда, стоило лишь приоткрыть крышку. Нельзя не обратить внимания и на персидскую туфлю, в которой «великий сыщик» хранил табак. А если заглянете в ведро с углем, то там, как вы и ожидали, обнаружите сигары. Прямо на полу разложена карта района

Дортмунда – с ее помощью Холмс распутывал дело о баскервильской собаке. А вот и пистолет, найденный на краю пропасти Рейхенбах, потерянный во время схватки с хитрым профессором Мориарти. Рядом любимица Холмса – «страдивари» – скрипка, на которой он так любил играть. Возле окна бюст Шерлока Холмса. Это копия того оригинала, который, как вы помните, был разбит пулей полковника Морана. Свой гипсовый бюст Холмс поставил таким образом, что тень его была видна сквозь окно с улицы. Полагая, что это силуэт живого Холмса, Моран выстрелил и попал... в бюст.

ПОКИНЕМ уютный кабинет на Бейкер-стрит и отправимся дальше «по следам Шерлока Холмса». От Бейкер-стрит до Трафальгарской площади, не так уж далеко. А вот и тихая улочка, в конце которой стоит четырехэтажное здание. Еще издали замечаешь вывеску со знакомым изображением сыщика. Сегодня здесь расположен бар Шерлока Холмса. Описание этого места не раз встречается в рассказах о нем. В гостинице, когда-то находившейся в этом доме, Холмс часто останавливался со своим другом. Здесь представлена внушительная коллекция пистолетов Холмса и один, огромный, доктора Ватсона. Зловещие апельсиновые зернышки вызывают в памяти страшные события, описанные в рассказе «Пять апельсиновых зернышек». Пара наручников, принадлежащих инспектору Лестрейду, образцы сигарного пепла, о чем Холмс написал целое исследование. Маска-морда собаки Баскервилей со светящимися зеленоватыми глазами. На втором этаже бара, за стеклянной

перегородкой, в точности воссоздана обстановка комнаты на Бейкер-стрит. Кажется, что дверь вот-вот откроется, и на пороге появятся друзья и миссис Хадсон...

И действительно, дверь открывается, и в бар входят детективы-любители после дежурства, которое они несут в расположенном неподалеку старом здании Скотланд-Ярда. Говорят, что вступающие на службу полисмены считают своим долгом прийти сюда на поклон к Шерлоку Холмсу...

Теперь самое время задать вопрос – существовал ли Шерлок Холмс, как и его друг Ватсон, в действительности?

Для этого надо обратиться к тому времени, когда молодой Конан Дойл, в будущем создатель столь популярного персонажа, жил в Эдинбурге, был студентом и думать не думал о том, что когда-то станет автором чуть ли не семидесяти томов романов, повестей и рассказов.

СРЕДИ выпускников медицинского факультета Эдинбургского университета 1881 года значилось имя Артура Конан Дойла. Получив диплом врача, Артур, которому было едва за двадцать, решил продолжать совершенствоваться на поприще медицины. Первым условием для этого была практика. И вот вскоре на одной из дверей в пригороде Портсмута появилась до блеска начищенная медная табличка: «Конан Дойл, врач и хирург». Молодой доктор стал поджидать пациентов. Однако время шло, а посетителей можно было пересчитать по пальцам. Молодой медик с мольбой поглядывал на фотографию своего учителя Джозефа Белла, профессора ко-

ролевского госпиталя в Эдинбурге, стоявшую у него на камине. И старый учитель помог ему, правда, не в обеспечении клиентурой, а несколько в другом.

ЕЩЕ в университете Конан Дойл увлекался рассказами американского писателя Эдгара По. Герой Э. По сыщик Дюпен с его методами дедуктивного мышления и логическим анализом напоминал чем-то Джозефа Белла, его метод изучения личности пациента. В этом смысле профессор был феноменальной личностью, во многом превосходящей героя Э. По. Он часто поражал студентов, в том числе и своего любимого ученика Конан Дойла, необыкновенной проницательностью, умением исключительно по внешнему виду человека поставить не только диагноз, но и прочесть по выражению лица, глаз, по одежде и обуви его биографию, рассказать о нем то, чего, казалось бы, никак нельзя было угадать с первого взгляда.

Это производило ошеломляющее впечатление, вспоминал позже Конан Дойл. Казалось чем-то сверхъестественным. А между тем, уверял Белл, все дело было лишь в наблюдательности, в умении по внешним признакам, анализировать и делать логические выводы. «Пускайте в ход силу дедукции», – часто повторял он.

Самое, пожалуй, удивительное состояло в том, что молва о способностях Джозефа Белла разгадывать тайны человеческих заболеваний приводила к нему пациентов совсем по другим поводам.

Нередко к его помощи прибегала и местная полиция, где Д. Белл значился, как сыщик-консультант. Разгадка

преступлений, можно сказать, была его хобби. К тому же это давало возможность проверить его метод в другой области – в криминалистике. Однако, несмотря на то, что Белл почти двадцать лет сотрудничал с полицией и помогал в расследованиях своему приятелю, профессору судебной медицины и полицейскому врачу Генри Литтлджону, он оставался всего-навсего лишь бескорыстным сыщиком-любителем. Что касается его метода, то и в уголовном деле он принес блестящие результаты – на счету Белла было не одно раскрытое преступление, а память хранила множество случаев из уголовной хроники.

Не удивительно, что молодой ассистент Конан Дойл запомнил своего любимого учителя на всю жизнь, стал поклонником и последователем его метода.

В дни вынужденного бездействия, когда не было пациентов, Конан Дойл трудился над листом бумаги. Он задумал создать образ сыщика, более умного и талантливого, чем Дюпен, обладающего острой наблюдательностью, умеющего видеть и при помощи анализа и дедукции делать единственно верный вывод. О преступлениях, раскрытых этим вымышленным сыщиком, он и будет рассказывать. Вернее, не о раскрытых преступлениях – не это будет главным в его повествовании, – а о приключениях человеческой мысли, которая раскрывает преступления. Задача Конан Дойла облегчалась тем, что в его памяти во всех деталях сохранялась почти готовая живая модель его будущего героя.

Конан Дойл не отрицал, что Джозеф Белл послужил прототипом его героя. Даже внешне Конан Дойл сделал своего героя похожим на бывшего учителя: очень худой, с

острым, пронизывающим взглядом серых глаз, тонким орлиным носом.

ОДНАКО чтобы создать образ сыщика, мало было описать его внешность. Требовалось показать его в действии, на примерах продемонстрировать силу метода, которым он пользовался при раскрытии преступлений. А для этого нужны были не только познания в технике полицейского розыска, но и знакомство с материалом, то есть с фактами уголовной хроники, которые питали бы фантазию автора. И в этом Джозеф Белл оказал писателю немалую услугу. Еще во время учебы в Эдинбурге Конан Дойл не раз слышал рассказы Д. Белла о тех преступлениях, в раскрытии которых ему доводилось участвовать. И после того, как Конан Дойл стал уже писателем, он нередко обращался к Беллу с просьбой подбросить материал для рассказов, прислать что-нибудь «шерлок-холмсовское». И Джозеф Белл никогда не отказывал в помощи. Он подробно излагал обстоятельства какого-либо дела, давал ценные советы, иногда подсказывал сюжет.

Скромный, застенчивый профессор в душе гордился тем, что послужил моделью для литературного собрата. Радовало и то, что благодаря Шерлоку Холмсу его метод получил такую широкую популярность.

Но если Джозеф Белл не отрицал сходства между ним и Шерлоком Холмсом и даже высказывался на этот счет в печати, признавая в методе книжного героя своего последователя, то тот же Джозеф Белл указывал еще на одного прототипа знаменитого сыщика.

Кого же подразумевал Д. Белл в прообразе Шерлока Холмса? С присущей ему наблюдательностью он усматривал глубокое родство между литературным персонажем и самим автором.

КОНАН ДОЙЛ признавался, что не однажды ему удавалось методом Холмса решить проблемы, которые ставили в тупик полицию. Это случилось всякий раз, когда профессиональная полиция оказывалась не в силах распутать какое-либо запутанное дело и вынуждена была прибегать к его помощи, как обращались за помощью и к Шерлоку Холмсу. И тогда всемирно известному писателю приходилось откладывать перо литератора и брать в руки лупу сыщика. Метод его героя действовал безотказно – Конан Дойлу удалось распутать не одно сложное дело, раскрыть не одно запутанное преступление. Его репутация в этом смысле приобрела такую известность, что к нему стала обращаться с просьбами полиция других стран. Египетские, американские и французские детективы изучали его метод, систему поисков мельчайших улик. Известный криминалист Э. Локар считал Конан Дойла «поразительным ученым-исследователем».

Походил Конан Дойл на своего героя и еще в одном. Подобно «отшельнику с Бейкер-стрит», Конан Дойл – сыщик-любитель, действовал, как правило, бескорыстно лишь из благородных побуждений. Он вступал обычно в опасную и часто неравную борьбу со злом даже тогда, когда шанс добиться успеха равнялся нулю. И нередко благодаря настойчивости, неутомимости оказывался победителем.

ЦИРК СИНТИ ХОСИ В КОСМОСЕ

ШЕФ, а шеф... Хорошие ребята на той планете. Уж как нам обрадовались! Вся база ликовала. Приятно, правда? – сказал я, увеличивая скорость ракеты.

Шеф кивнул.

– Да. Ради этого стоило забираться в такую даль. А теперь надо спешить на следующую планету. Там, небось, тоже ждут не дождутся.

Наша ракета – нарядная, ярко раскрашенная желтой, зеленой и красной краской, – только что покинула одну из планет и сейчас направлялась к следующей очередной цели нашего путешествия.

Я посмотрел на часы.

– Пожалуй, пора обедать...

– Да, самое время. Эй, все сюда! Обедать!

Не успел шеф окончить фразы, как из соседнего отсека с радостным лаем выскочили собаки.

Мы с шефом выдрессировали несколько смышленных собак, разработали цирковую программу и гастролировали в разных уголках космоса.

На всех планетах, где жили и трудились земляне, мы были желанными гостями.

За время длительного путешествия по космосу мы

очень сдружились с нашими собаками. Близость и взаимопонимание были полными. Я думаю, такая дружба – большая редкость даже между людьми на Земле.

Собаки понимали нас с полуслова, а мы тоже изучили их язык – мимику, движения хвоста, оттенки лая. Короче говоря, наша ракета была особым мирком, веселым и благополучным, где никто никогда не унывал и не жаловался на дорожную тоску. Однако на этот раз случилась неприятность.

– Беда, шеф! Продукты кончаются. Не дотянем до цивилизованной планеты...

– Да, сплеховали мы, не проверили запасы перед стартом. Ну, теперь сетовать поздно.

Я посадил ракету на незнакомой нам планете. Посмотрел в иллюминатор.

– Шеф, взгляните на те заросли! Видите плоды? Да какие большие, аппетитные на вид!

Мы вышли из ракеты и направились к зарослям. Но тут возникло неожиданное препятствие, и препятствие грозное: откуда ни возьмись, появились здоровенные собаки и преградили нам дорогу. Собаки рычали и скалили зубы. Число их все увеличивалось.

– Как бы не растерзали! Бежим обратно!

–Бежим!.. Должно быть, это собачья планета...

Мы повернулись и во весь дух помчались к ракете.

И тут наши собаки, наши добрые друзья, пришли на помощь. Они предложили нам, на своем собачьем языке, разумеется, на том языке, который мы отлично понимали:

– Доверьте это дело нам. Мы с ними как-нибудь договоримся.

Мы открыли люк, и наши собаки, одна за другой, вышли из ракеты. Мы наблюдали за ними в иллюминатор. Кажется, у них завязалась беседа с собаками-аборигенами, и беседа мирная, дружеская. Действительно, переговоры увенчались успехом. Вернулась первая собака с сочными плодами в зубах, за ней вторая, третья... Вскоре наша кладовая была доверху набита спелыми, аппетитными фруктами.

– Вот это удача! Как вам удалось их уговорить?

– А очень просто, – ответили наши собаки, – взяли и рассказали им всю правду. Так, мол, и так: гастролируем по космосу, летаем с планеты на планету с цирковыми представлениями. Да вот беда случилась – продукты все вышли, ну и решили мы пополнить запасы на вашей планете... Они все поняли и поделились с нами плодами.

– Прекрасно! А как их отблагодарить?

– Они никогда не были в цирке и даже не знают, что это такое. И теперь, естественно, сгорают от любопытства. Придется выступить.

Мы с шефом под музыку, несущуюся из ракеты, точно выполняли команды наших собак: бегали, прыгали, вальсировали, ходили на руках.

Наконец, обливаясь потом, в полном изнеможении, поплелись к ракете.

Собаки-аборигены, никогда раньше не видевшие цирка, были в восторге. Они визжали, выли и отчаянно виляли хвостами.

Думается, я разгадал, о чем они говорили между собой:

«Удивительно!.. Потрясающе!.. Надо же так выдрессировать этих больших, неуклюжих двуногих животных...»

Стрекоза, существующая на Земле уже 250 миллионов лет, в наши дни стала объектом внимательного изучения со стороны ученых. Анализом ее полета всерьез заинтересовались исследователи Колорадского университета (США).

Всем известно, что стрекоза способна зависать в воздухе, передвигаться в боковом направлении или резко подаваться назад, причем все операции проделываются ею на значительной скорости. Однако мало кто знает, что при этом подъемная сила стрекозы в три раза больше, чем у обычного самолета.

Как и у самолета, она создается у нее за счет движения воздуха в непосредственной близости от крыльев. Используя «неустойчивую» аэродинамику стрекозы, авиационные инженеры при создании летательных аппаратов будущего полагают значительно повысить эффективность и безопасность их полетов. Самолеты, разработанные с учетом способностей стрекозы, смогут совершать более крутые виражи.

Розита
ФОРС

Висячий Мост

НЕСКОЛЬКО дней назад я была с одной девушкой в Новой Гвинее.

Мы ехали на телеге до подошвы горы, где нас ожидали выючные пони. Позавтракать остановились на обширной плантации, и владелец ее сказал вознице, чтобы он ехал с телегой кружным путем и встретил нас на противоположном берегу.

— Вы избегнете двухчасовой тряски, если перейдете реку по веревочному мосту. Вы ведь не боитесь аллигаторов? Вода кишит ими. Нужно следить за каждым шагом.

Мы посмеялись и, подкрепившись, насколько помню, свининой и дичью, направились к реке. Так называемый мост представлял собой сетку в ярд шириной на высоте пятидесяти футов под водой.

Если человек терял равновесие или ступал немного левее или правее, мост начинал раскачиваться, как гамак, и пешеход рисковал повиснуть на руках над зеленовато-коричневыми существами, похожими на бревна, пока они не раскрывали пасти.

НУ, а мне придется проститься с вами, – сказал наш хозяин, – у меня страшно слабая голова. Я не мог бы пройти по этому мосту и за миллион! Это, конечно, совсем безопасно, но я и с крыши-то не могу смотреть вниз. Это ужасно скверно, правда?

Мы выразили ему соболезнование и стали переходить «Мост Раскаяния», как они его там называли. Уставившись в деревья на противоположном берегу, я благополучно перешла мост, испытывая только чувство какого-то холода внутри.

Но моя спутница, Ундина, остановилась на полпути. Она была невысокого роста и с трудом доставала до веревки над голевой.

– Я не могу идти дальше! – закричала она.

Двое работников бросились к ней, но их тяжесть опустила мост еще больше. Прошло несколько страшных минут.

– Положите руки на мои плечи. Закройте глаза, – приказал ей один из работников, стоявших впереди нее. Но девушка не слушалась.

– Все равно ничего не выйдет, я боюсь шевельнуться, – хрипло ответила она. Ее трясло, как в лихорадке, нога ее скользнула, и одно мгновение казалось, что все трое сейчас же полетят в воду.

ИХ ОБОДРИЛ голос с берега.

– Оставьте ее, уходите назад. Ложитесь, мисс, и закройте глаза.

Девушка опустилась на сетку.

– Отлично, – сказал голос, который я не узнавала. – Я иду к вам.

К нашему удивлению, хозяин плантации пошел, уверенно ступая по мосту. Мы побледнели от страха.

– Теперь конец, он ничего не сможет сделать, – воскликнул один из работников рядом со мной.

Но плантатор, не колеблясь, склонился к девушке, выпустил на одно лишь мгновение веревку, поднял на руки девушку, – чудо равновесия! – подхватил опять веревку и, насупившись, двинулся к берегу. Он ни разу не покачнулся, пока руки стоявших на берегу не подхватили его.

– Это замечательно! – начала я. – Вы спасли...

Но герой, спотыкаясь, подбежал к дереву, где с ним сделалась отчаяннейшая морская болезнь.

После того, как мы все успокоились, один из работников сказал плантатору:

– Что же, нам пора идти назад. Теперь вы уже пройдете по мосту хоть на голове.

Но плантатор весь позеленел.

– Ноги моей никогда в жизни не будет на этом мосту! – проворчал он. – Я обойду кругом. Вышлите лошадь к броду.

ИЗ ПИСЕМ К ВОЛЬТЕРУ _____

ДЕЛО О... БЛАГОЧЕСТИИ

Как я имела честь известить вас, я покинула свой монастырь и была первоначально вполне хорошо принята членами моей семьи. Располагая краткой сводкой обвинений и допросов по процессу, я ее им показала, и все они нашли, что тут не было оснований для беспокойства. Но они мне заявили, что не могут ничего предпринять, пока все бумаги по процессу не будут доставлены в Париж.

Приговор по моему делу нелеп, и немыслимо, чтобы его утвердили в Париже... Я попросила, чтобы докладчиком мне назначили г. Пело... он обещал сделать все, что возможно в этом случае. Некоторое время спустя, я вновь пришла к нему и увидела человека, весьма перепуганного, сильно встревоженного и очень огорченного за меня... Когда я спросила его, что же столь ужасающего было в этом деле, он мне ответил, что наиболее тяжким обстоятельством была песенка. Я решила, что он помешался, но он так настаивал на тягости этого преступления... Он сказал мне, что единственной мерой было бы выхлопотать королевское предписание о приостановлении хода дела.

...Я намеревалась съездить в Нижнюю Нормандию к сестре, но... поскольку мне было весьма неприятно у сестры — святоши и фанатичной янсенистки, я испросила у г.

епископа Орлеанского разрешения отправиться в один из монастырей моего ордена. Я провела в этом аббатстве пять месяцев, получая там одно за другим... требования отказа от моего аббатства на основании жалоб монахинь...

«Многие монахини принесли жалобу на то, что в вашей приемной играли в карты, что там танцевали, что вы там не раз давали концерты, и, между прочим, в день смерти одной монахини: эти концерты многократно мешали службе, и монахини в исповедальне не могли слышать собственных слов».

«Они также заявили, что вы устраивали танцы молодых людей в трапезной и побуждали нескольких юных монахинь танцевать....»

«Другие заявили, что вы не заботились о ваших заболевших монахинях... что вам недоставало подлинного благочестия, и к святым дарам вы подходили не чаще двух раз в год...»

Как только я прочла эти обвинения, я отправила... епископу Орлеанскому свои ответы, примерно в таких выражениях:

«Действительно, я разрешала играть в карты и разрешала танцевать в моей приемной два раза за два года, в день моего рождения».

«Действительно, мне там давали концерты два или три раза за четыре года, но неверно, что их устраивали во время службы или исповеди монахинь, доказательством тому служит то, я всегда их приглашала...»

«Правда, что я разрешила танцевать в трапезной лицам, навестившим меня в мой день рождения, но потому

лишь, что у меня не было приемной, поскольку в ней шел ремонт».

«Ложь, будто я не заботилась о больных монахинях и не ходила их навещать, ибо я не дожидалась их помещения в больницу... Я сама перевязывала раны многим из них, и много раз оказывала им другую помощь, в которой они нуждались... Ложь, будто я не подходила к святым дарам чаще двух раз в год...»

Все эти ответы были точно переданы г. епископу Орлеанскому, а его ответом явилось королевское предписание, запрещавшее мне вернуться в мое аббатство и приказывавшее мне оставаться в Нормандии... Я написала... что мне... абсолютно невозможно оставаться в монастыре, где... мне плохо во всех отношениях. Прелат мне ответил, что король даст согласие на то, чтобы я перешла в другой монастырь...

Вот, милостивый государь, точный рассказ о моей опале и о нынешнем состоянии дел.

(Из письма к Вольтеру аббатисы де Бру, 1768 г.)

К сожалению, вряд ли мы когда-нибудь узнаем, чем закончилось дело аббатисы де Бру. Королевской ли милостью?.. Торжеством ли поклепов?.. Как видно из переписки с «фернейским отшельником», это не столь уж новое средство – поклепы вечны, как мир. Та же вечность не позволит нам узнать, была ли аббатиса оправдана или заклеямена за свое неблагочестие...

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЖУРНАЛ „УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

КООПЕРАТИВ

СВИТОК

- Издание произведений за счет средств автора
- Тиражирование литературы повышенного спроса, выпускаемой издательством

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над третьим выпуском «ПиФа» работали:
И. Кузовлев, С. Казанцев, С. Гаврилова, Л. Бурдина,
М. Пудовкин.

Художник: И. Кожевников.

Ответственный за выпуск: С. Мешавкин.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1989. — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч-изд. л. 4,42. Зак. № 1658

Тираж 85000 экз. Цена 70 коп.

Подписано к печати 27.11.89. НС 30095.
Средне-Уральское книжное издательство и журнал
«Уральский следопыт».

Типография изд-ва «Военный железнодорожник».